

Фридрих Незнанский

Любители варенья

Фридрих Евсеевич Незнанский

Любители варенья

Серия «Возвращение Турецкого»

*Текст предоставлен издательством «Олимп»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169329
Любители варенья: АСТ, Олимп; Москва; 2008
ISBN 978-5-7390-2243-1*

Аннотация

Турецкий и Плетнев, своими силами пытаются расследовать убийство проститутки, выходят на банду, которую возглавляет бывший спортсмен-стрелок. Турецкому его имя знакомо из предыдущего расследования. Бандиты занимаются изготовлением фальшивых долларов, и уже готовую крупную партию главарь банды собирается переправить за границу. Но Турецкий и Плетнев мешают его замыслу, хотя и сами попадают в переделку. Но, как всегда, с честью выходят из нее. Более того, предлагают местному следователю некую сделку, от которой тому трудно отказаться.

Содержание

1	4
2	18
3	32
4	50
5	75
Конец ознакомительного фрагмента.	83

1

Мелкий нудный дождик зарядил с двух часов дня и словно пытался испортить настроение. Но Ирина не поддавалась погодным козням и, выполнив свои обязанности перед Васей, то есть покормив его, выслушав впечатления о только что просмотренной программе «Прокатаем тачку», с чистой совестью начала собираться на культурное мероприятие. Перебрала платья, посетовав, что давно не обновляла свой гардероб, и остановилась на черной кофточке, выгодно подчеркивавшей ее вполне стройную талию, и строгой юбке. Последними штрихами довела до совершенства макияж и принялась подгонять Васю – потому как еще неделю назад решила вывести его в свет, о чем тогда же и сообщила. Но парень, похоже, надеялся, что в последний момент тетя Ирина сжалится над ним и не станет подвергать эдаким пыткам – слушать оперу. Он даже телевизионную программу переключает после первых трех секунд, если взрослые тети и дяди ведут себя не вполне адекватно – любую проблему обсуждают на разные голоса с заламыванием рук. Да еще так громко и долго... И вдруг неожиданно-негаданно неизвестно за какие прегрешения ему обещано два часа полноценной оперной музыки вкупе с пением. Исчерпав все аргументы в свою защиту, Вася выглянул в окно и возмущенно выкрикнул:

– Так дождь же ливанул... Нормальные люди дома сидят,

в компьютер играют. Даже собак не видно. По домам сидят. Что-то неохота мне мокнуть.

– Вася, не вредничай, – строго приказала Ирина. – Какое там мокнуть? Мы же в машине поедem!

– В пробках стоять? – заскандалил мальчишка. Опять ему все не слава богу, и Ирине захотелось дать Васе подзатыльник. Избаловала она его, вконец парень распустился. Был бы свой – так и наподдала бы. Но на чужого сына руку не поднимешь...

– Мы выезжаем за два часа до начала. Понял? Так что успеем. Не ворчи, как старый дед... За нами специально Катя приедет. Думаешь, мне легко было ее уговорить с нами пойти? Она оперу не любит.

– Она ее ненавидит... – пробурчал Вася. – И я ее терпеть ненавижу.

– Так не говорят, Вася, – решила заодно заняться культурой речи мальчика бывший педагог Ирина. – Говорят либо «не терплю», либо «ненавижу».

– А так это... эмоциональнее, – проявил свою недюжинную способность к развитию речи Вася.

– Короче, спорить не будем. Давай надевай голубой свитер. И не забудь руки вымыть.

– А-а, мы там кушать будем? – оживился мальчик, натягивая через голову парадный свитер.

– Естественно, чем тебя еще на оперу заманишь?

Ирина в последний момент решила, что в черной кофточ-

ке у нее какой-то похоронный вид. С годами черный цвет ей шел все меньше. «Старит он меня», – подумала она с огорчением.

Когда она вышла в розовой блузочке, Вася заулыбался.

– Совсем другое дело. А то будто наша химичка. Она тоже вечно в черном ходит. Как ворона... И голос такой – каркает, каркает...

– Вася, хватит осуждать людей! – оборвала его Ирина, обувая туфли на высокой шпильке. Наконец подвернулся случай обновить туфли, которые уже два месяца лежали в коробке.

Снизу в домофон позвонила Катя:

– Готовы? Я машину прямо к подъезду подогнала, чтоб не мокли.

Вася в машине повеселел. Крутил настройку радио, комментировал шутки дикторов, потом заявил:

– Когда буду диктором, никогда не стану такие глупости говорить.

– И правильно, Васенька, – похвалила его Катя. – Кстати, Ирочка, а что мы нынче слушать будем? Я в опере последний раз в шестом классе была, «Князя Игоря» слушала. Большое испытание... Хорошо потом уснула, меньше мучилась.

– Кать, ну что ты при мальчике... – упрекнула ее Ирина. – Мы, между прочим, на мировую премьеру едем.

– Да ты что? – обрадовалась Катя. – Ух ты! Вот это звучит! Мировая премьера! Так своим коллегам в поликлинике

и расскажу. И как же ты раздобыла билеты? Небось, народ ломанулся, все билеты расхватали.

– А мы на халяву идем. Меня пригласила подружка, она на виолончели играет в оркестре. Заодно познакомлю вас.

– Так оркестр наш?

– Наш, а опера американская, совсем новая, с пылу с жару, если можно так выразиться. Один американец написал, по рассказам Чехова. А премьеру решил здесь устроить, на родине его любимого писателя Чехова. Правда, он его только на английском языке читал.

– Откуда ты все это знаешь? – подивилась осведомленности Ирины подруга.

– Так мне Сонечка рассказала, подруга, которая на виолончели играет.

– Как-то странно это... – удивился Вася. – Рассказы Чехова петь... Да еще на английском... Там про Ваньку Жукова будет? Или хоть про Каштанку? Хотя вряд ли про Каштанку. Это было бы уже совсем неправильно – за собаку петь... И за гуся... И за свинью... – принялся он перечислять известных ему героев рассказа и расхохотался, представив, как на сцене какой-нибудь оперный певец будет хрюкать на глазах у всех.

– Ни про Ваньку твоего, ни про Каштанку, ни про прочую живность не будет, – коротко ответила Ирина.

– Ну хоть про девочку, которая младенца в колыбельке задушила, будет? Она ее душит, а та поет. Так всегда в опере бывает. Мне папа говорил.

– Вась, ты хоть помнишь, как рассказ называется?

– Помню, мы в школе читали. «Спать хочется» называется.

– И этого не будет, – разочаровала Васю Ирина.

– Так что же будет? – удивился Вася, исчерпавший все свои познания о творчестве Чехова.

– Будет «Несчастье».

– Ну, это тоже ничего. Наверное, что-то страшное или жалостливое.

– Про любовь...

– Так зачем я с вами еду? – возмутился Вася.

– Кушать едешь, забыл?

– Ладно... – мрачно ответил Вася. – Но такой ценой добывать себе пропитание...

– Слушай, откуда он нахватался такого? – удивилась Катя. – Вроде совсем дитя, а такие речи толкает!

– Дитя... – скривился Вася. – Я уже почти достиг тинейджерского возраста.

Машина тем временем ползла в общем потоке, но иногда он рассасывался, и Катя нажимала на газ.

– Ничего едем, сносно. Вчера гораздо хуже было. Я даже успела поужинать в машине. Кстати, как там наши ребята Саша и Антон?

– Да кто их знает, – пожала плечами Ирина.

– И ты что, даже не волнуешься? – изумилась Катя.

– Отволновалась... – сухо ответила Ирина. – Решила, что

ничего с ними случиться не может. Это я так себя успокаиваю. Новороссийск – не Чечня. И даже не казачья станица. Где тоже пораспустились все, будто живут в своем отдельном государстве... – вспомнила она опасные приключения мужа в Новоорлянской. – К тому же они вдвоем.

– А это не опасно? Они как вдвоем, так квасить начинают. Ты же вроде потому и сбежала от них, и Васю прихватила, умыкнула у родного отца.

– Антон, думаю, не в обиде. Ему недосуг сыном заниматься. У них там какие-то дела появились. У меня создалось такое впечатление, что если бы не они, Новороссийск вышел бы на первое место в стране по преступности.

– А каким они там боком? Там что, своих следователей нет?

– А наши ребята теперь подпольные следователи, так сказать – нелегалы. Криминалисты-гастарбайтеры.

– Шутите, тетя Ира? – Недоверчиво взглянул на нее Вася, прислушиваясь к их разговору. Его уязвило, что Ирина не только про собственного мужа, которого Вася очень уважал, но и про его отца говорила как-то пренебрежительно. Будто они не классные сыскари, а так, не пойми что. Любители...

– Почему же я шучу? Не до шуток. Они действительно рьяно принялись за расследование одного запутанного дела. Потом второго. Теперь третьего и одновременно четвертого.

– И каковы успехи? – деловито поинтересовалась Катя, вертя головой во все стороны, потому что неожиданно ма-

шины стали съезжать со своих полос и прижиматься к ее автомобилю. Ясно, впереди авария. Тут надо ухо держать востро, как бы саму никто не притер. А тут еще этот дождик, и дворники плохо работают, только грязь размывают.

– Два дела раскрыли. Это Шурика заслуга, – не удержалась и похвасталась Ирина, но взглянув на обиженное лицо Васи, добавила: – А два следующих начал расследовать Антон. И успешно.

– Они что, каждый день отчитываются? Молодцы, а то раньше пропадали, не найдешь их.

– Дня четыре назад звонил Шурик, в двух словах обрисовал ситуацию. Говорит, ничего пока сказать не может. Почему-то они все еще должны оставаться в этом Новороссийске. Я уже чувствую себя женой иногороднего... – пожаловалась Ирина.

– А я себя – круглым сиротой, – Вася тоже решил пожаловаться. – Потому что папа мне звонил последний раз позавчера и только сказал: «Слушайся тетю Иру. Если что – она тебя не бросит».

– Как это – «если что»? – в один голос воскликнули обе, и Катя едва не коснулась бортом здоровенного джипа. Водитель сигналить не стал, просто открыл затонированное окно и высунул здоровенный кулак.

– Вася, ты нас так не пугай, у меня сейчас чуть сердце на лопнуло. Представляешь, что было бы, если бы я задела эту дурынду?

– Катя, о чем ты думаешь? – возмутилась Ирина. – При чем тут эта дурында? Ты послушай, что Антон сказал. «Если что...». Значит, зря я не волнуюсь. Они там какое-то опасное дело копают.

– Ну почему сразу опасное? – попыталась успокоить подругу Катя.

– Ну как же – с Васей уже прощается...

– Он не прощался, он только сказал: «До скорой встречи». – Вася осуждающе смотрел на женщин. Напридумывали, чуть в машину не врезались. Вот когда он будет водить собственную машину, от него все станут разбегаться. Он не потерпит такого безобразия, чтобы со всех сторон напирали и даже кулаками грозили.

– Ладно, тетеньки, успокойтесь. Смотри, Катя на дорогу. И вы, тетя Ира, не печальтесь. Папа и дядя Саша выполняют свой долг. Считайте, у них командировка. Сначала был отпуск, а теперь командировка. Или наоборот? – задумался мальчик.

– Ишь ты, как все по полочкам расставил, – одобрила мальчика Катя. И объявила: – Полдороги проехали. И у нас еще полно времени, если и дальше так пойдет.

– Тогда в буфет сразу пойдем, как приедем, – обрадовался Вася.

– Как успеем, – поправила его Ирина.

– Тогда расскажите про какое-нибудь интересное дело, – начал торговаться Вася. – А то вдруг не успеем сразу в буфет,

тогда придется мучиться в этой опере до самого перерыва.

– Антракта...

– Ир, ну что ты парня совсем затыркала? – вступилась за Васю Катя.

– Надо же его кому-то воспитывать. А то учительница у него ворона, Чехова только по школьной программе знает, в опере только буфет ценит... Интересы у него узкие.

– Почему же? – не обиделся Вася. – Я еще люблю слушать про разные расследования. И страшные, и смешные...

– Смешные, к сожалению, редко бывают. Хотя для тебя, Вася, как раз вспомнила один случай. Про одного домушника. Вчера Щеткин рассказал. А тому – знакомый лейтенант из Одинцовского отделения милиции. Он в захвате этого домушника принимал участие. Кстати, знаешь, кто такой домушник?

– Обижаете, тетя Ира. Я же сын опера. Я все такое знаю. Это который дома грабит. Ну давайте, скорее рассказывайте, – поторопил он Ирину. – А то приедем, и сразу в оперу.

– Один домушник, назовем его Гаврилой, с большим опытом вор, действовал всегда очень осторожно. То есть продумывал все до мелочей – кто в доме живет, какая может быть добыча, как насчет охраны. Потому что грабил он только богатые дачи, то есть особняки, где точно знал – улов будет хороший. Обчистит дом и уезжает в другой город, подальше. А там уже сплавляет награбленное знакомым барыгам. Ну и проживает денежки в свое удовольствие месяца два-три.

– Что-то не так уж много он грабит, если всего на два-три месяца хватает... – резонно заметил Вася.

– У каждого свои удовольствия, Вася, – нравоучительно изрекла Катя. – Кому пять новых дисков выше крыши, а кому дорогие рестораны, фирменные шмотки, золото, серебро и бриллианты, куча новой парфюмерии и... ну, много всего, – иссякли представления Катерины о богатой жизни.

– Не перебивайте, а то не буду рассказывать. Так вот, Гаврила как-то в одном из ресторанов встретил своего кореша, а тот ему и похвастался, что недавно по случаю побывал на даче у одного нового русского. И у того чего только в доме нет – одних старинных икон целая комната. Богатей с семьей живет в трехэтажном доме, за высоким забором, но даже охране своей особо не доверяет. Еще и псов лютых завел, и они носятся по двору, службу несут. Специально обученные псы, натасканные. Но Гаврила решил, что если хорошо все продумать, то и с псами он может справиться. Главное – его коллекция икон заинтересовала. Он в них толк знал. Расспросил подробно у кореша, какие иконы у хозяина дома, тот описал. В общем, в этот дом стоит залезть, подумал Гаврила. И принялся подготавливать почву. То есть подкармливать псов. Но тут опять встретил кореша, и верный друг предупредил его, что лучше бы Гаврила нашел себе другой объект для интереса. Как раз недавно один гастролер решил обнести эту виллу, потому что прознал – на ночь собак куда-то загоняют. А секьюрити особо себя службой не утруждают,

дрыхнут, на псов надеются. Те ведь натасканные, на чужаков сразу реагируют. Вот гастролер и решил, что собаки ночуют в каком-то помещении. Только ему и в голову не пришло, что они в доме находятся. И когда он тихонько пробрался в дом, псы на него накинулись и точно до смерти задрали бы, если бы не охранники. Они отбили вора, потом вызвали и «скорую», и милицию. В общем, собаки порвали его чуть ли не до полусмерти. Но Гаврила выслушал свежую информацию, а свою затею не бросил. Упорный был мужик, настойчивый, да к тому же верил в свою удачу.

В общем, пошел на рынок, купил несколько килограммов вырезки и стал перебрасывать собакам через забор. Первый раз они его встретили лаем и рычанием, но секьюрити сидели дома и на лай не вышли, дождь лил, неохота им было от телевизора отрываться. На второй день собаки только рычали, а мясо ели с такой жадностью, будто их впроголодь держат.

– А служебных собак действительно досыта не кормят, чтобы форму держали, – со знанием дела объяснил Вася, с интересом слушая Ирину.

– И так Гаврила десять дней собак кормил, они его уже даже стали поджидать, повизгивая от нетерпения.

– Вообще-то, тетя Ира, собаки эти не такие уж и профессиональные. Настоящие сторожевые собаки ничего не должны брать из чужих рук, даже если они с голоду помирать будут...

– Вась, давай комментарии потом, мне же интересно! – попросила его Катя, не отрывая взгляда от дороги.

– Вот именно, Вася. Слушай, а то у меня охота пропадет развлекать тебя... Короче, решил Гаврила, что собаки уже приручены, но сначала надо было провести репетицию. И он перепрыгнул через забор с мясом в одной руке и с газовым баллончиком в другой. На всякий случай. Вдруг собаки кинутся, а он им в морду из баллончика перцовый газ пустит. Но собаки хвостами повиляли, мясо сожрали и с доброй благодарной улыбкой на свирепых мордах проводили своего кормильца до забора. Охранники опять же из дома не появлялись. А чего им выходить? Во дворе тихо, возле забора густые кусты, так что никто Гаврилу не заметил. И настал день...

– ...Икс, – подсказал Вася.

– Да, вернее, ночь Икс. Гаврила проворно перепрыгнул через забор, тихонько открыл отмычкой входную дверь и попал в сонное царство. Охранники крепко спят, собаки только морды подняли, но, учуяв знакомый запах и увидев своего друга с порцией вырезки, подбежали молча и стали уплетать гостинец. Гаврила время зря не терял, потихоньку направился по коридору в ту самую комнату, где находился антиквариат. И только перевел дух и начал обозревать коллекцию икон, а чтобы лучше было видно, ступил еще пару шагов вперед, как кто-то взвыл у него под ногами диким голосом, да так, что Гаврила от испуга рванул вбок и налетел

на столик, на котором стояла здоровенная китайская ваза. И она грохнулась с пушечным выстрелом на пол и разлетелась вдребезги... Оказывается, в комнате на коврике мирно почивал черный кот, а Гаврила в темноте его не заметил и наступил ему на хвост. На этот грохот и кошачьи вопли прибежали охранники, хорошенько отлупцевали Гаврилу и вызвали милицию. Так что Гаврилу посадили в тюрьму. Там он рассказал одному зеку свою душераздирающую историю, так тот даже не посочувствовал. Сказал: «Не того, Гаврила, ты прикармливал, надо было мяска котуку оставить!»

– Классная история, – одобрил рассказ Вася. – Завтра ребятам расскажу.

– Не забудь добавить, что в ней есть мораль, – заметила Катя, перестраиваясь в правый ряд и подъезжая к зданию музыкального театра.

– И какая? – любопытствовал Вася.

– Дети, не воруйте! – кратко изложила суть морали Катя. Вася зашелся в смехе, а Ирина строго отчитала Катю:

– Вот зачем ты говоришь такое? Он же хороший мальчик. И друзья у него славные ребята, я видела.

– Никогда не помешает лишний раз напомнить, что в мире еще существуют общечеловеческие ценности. Все, приехали, и у нас даже осталось тридцать минут, чтобы перекусить в буфете.

– Вау! – обрадовался Вася и первым выскочил из машины. Тут же нетерпеливо взглянул на свои часы и поторопил дам:

– Двадцать девять... Двадцать восемь с половиной...

– Ну, мы не реактивные, – проворчала Катя, запутавшись каблуками в подоле длинной юбки.

– А жаль, – осуждающе сказал Вася и бросился ей на помощь.

Когда-то в юные годы, когда Турецкий читал много и больше всего любил фантастику и приключенческую литературу, ему попался не то рассказ, не то небольшая повесть – уже запаматовал. Даже фамилия писателя забылась. Но сейчас вспомнился сюжет о городе, который не отпускал человека. Впустить-то впустил, но когда герой рассказа решил его покинуть, тут его и подстерегала очень неприятная неожиданность. Человек все кружил, кружил улицами, пытаясь выбраться из него, и каждый раз, когда казалось: еще чуть-чуть и вот она – желанная свобода, круг замыкался и появлялось одно и то же здание. А за углом опять начало пути. И человек приходил в ужас, потому что город вцепился в него мертвой хваткой и нет возможности вырваться из его плена. Этот город – Новороссийск, думал Турецкий. Потому что застрял он в нем плотно. И, возможно, надолго. До чего же вязкий город... Одно дело, когда пребываешь в нем с пользой для общества или отдельно взятого человека. Когда получаешь удовольствие от того, что провел одно расследование, второе, да каждый раз успешно, а совсем другое, когда в результате оказываешься в совсем неподходящем для опытного опера месте.

Всякое бывало в жизни Турецкого, но сидеть в «обезьяннике» еще не доводилось. Турецкий раздумывал о преврат-

ностях судьбы и удивлялся ее выкрутасам. Нельзя сказать, чтобы он был сторонником размеренной жизни. Но хотелось бы иногда небольшую передышку, денька на два. А то прямо голова кругом от многообразия существования. Только вчера поставил точку на деле десятилетней давности и помог очаровательной женщине Анне Гущиной восстановить ее доброе имя. Благодаря ему она теперь займет руководящий пост, хотя и так у нее жизнь бьет ключом. На ее месте он не стал бы так уж рваться в начальники. К чему такой красавице лишние хлопоты и проблемы? Но в ее деле главное было восстановить справедливость. С чем он очень неплохо справился. Не успел перевести дух, как Плетнев втянул его в странную историю, которая очень напоминает примитивный приключенческий фильм с полным набором жизненных реалий. Тут и смерть проститутки чуть ли не на глазах у Плетнева, которая сбежала с баржи «Ставрида» с кассетой с компроматом неизвестно на кого. И преследование бандитами случайного свидетеля ее убийства, разносчика пиццы. И далее по цепочке – свидетель случайно убивает бандита, сам едва успевает спастись. Но Турецкий успел его уже мысленно оправдать – парнишка защищал свою юную жизнь. Дальше следы преступления ведут на заброшенную стройку с ее неформальным хозяином – бомжем Колей, он же бывший афганец, который обнаруживает труп убитого бандита и хладнокровно зарывает его в землю. Причем не забывает прошмонать его карманы и вытащить искомую бандита-

ми кассету. А дальше вообще полная галиматья, невольными участниками которой становятся Турецкий и беспокойный Плетнев, успевший с несчастной проституткой завести какие-то особые отношения, в результате чего оба друга теперь расплачиваются. Нет, Турецкий вовсе не корил себя за то, что помчался с Плетневым выручать запуганного мальчишку-свидетеля и нарвался на бандитов. Впервой, что ли? Дело приняло неприятный оборот, когда бандиты открыли по ним стрельбу и привлекли внимание ментов. И это было бы еще ничего, вполне штатная ситуация, когда имеешь дело с бандитами. Вся гадость в том, что Коля – бомж и афганец в одном флаконе – оказался человеком с большим приветом. Как теперь подозревал Турецкий – больной на всю голову. Если бы он не вышел на ментов с винтовкой в руках, все могло закончиться более-менее благополучно. Хотя, скорее всего, тоже не очень здорово. Потому что менты приехали на стрельбу бандитов. А те благополучно смылись, услышав сирену ментовского «уазика». И на хрена менты себя выдали, оповещая всю улицу о своем приближении? Подъехали бы втихую, повязали бандитов, все чин чинарем. А так, по версии доблестных защитников порядка, получается, что стреляли те, при ком оружие. А оружие оказалось именно у сдвинутого афганца, вместе с которым пред ясные очи ментов появились Турецкий и Плетнев. Малоприятно еще и то, что менты бедолагу афганца пристрелили. И с винтовкой теперь надо разбираться. Конечно, выяснится быстро, что ни

Турецкий, ни Плетнев сроду это оружие в руках не держали. Но пока суд да дело, им придется сидеть всю ночь в этом воюющем «обезьяннике» и ждать, когда их вызовут на допрос. Как-то унижительно и противно. Одно дело находиться по ту сторону металлических прутьев, как-то оно привычнее, такие случаи бывали и неоднократно. Но чтобы сидеть на жесткой скамейке внутри и коротать время, наблюдая за постепенным наполнением клетки, это уже слишком. Не утешало даже то, что рядом сидел Плетнев и подпирал его дружеским плечом.

– Чего приуныл-то? – спросил его Плетнев, и Турецкому показалось, что друг не слишком огорчен неожиданно возникшей ситуацией.

– Ты уже привык, а я здесь впервые... – пробурчал Турецкий.

– Да и я всего второй раз. Можно подумать, что я здесь за-всегда, – пожал плечами Плетнев и тут услышал радостные голоса:

– Привет, красавчик!

– О-о, кого я вижу! Наш дружбан вернулся!

– Салют, подруги, – небрежно поздоровался Антон с двумя развеселыми девицами, которых не слишком учтиво толкнул в «обезьянник» мордатый сержант.

– Эй, поосторожнее, – сердито бросила девица с короткой стрижкой и подкатилась к Плетневу, бесцеремонно воззрившись на Турецкого. – Смотри, еще и друга привел! Вот мо-

лодец! Такого красавчика! Теперь не жаль будет потерянного времени, да, Катюня?

– Чур красавчик мой! – тут же подыграла Катюня своей подружке, встряхнув длинными белыми волосами, которые красиво взметнулись над плечами, чего она и добивалась.

Но стриженная, наверное, вспомнила по предыдущему разу, что от Плетнева толку чуть, он тогда просидел с мрачной рожей всю ночь, едва выдавив из себя два слова. Поэтому она решительно отодвинула подружку плечом и игриво представилась новому сидельцу:

– Марго...

– А я дядя Саша, – индифферентно взглянул на молоденькую проститутку Турецкий и устало откинулся к стене.

– Шутишь, что ли? Дядя Саша... – передразнила его девица. – Тебе что – семьдесят?

– Восьмой десяток, – серьезно ответил Турецкий.

Девчонки закатились в хохоте. Парень с разбойничьей рожей, дремавший в углу, мрачно бросил:

– Цыц обе! А то щас пасти ваши заклею. Поспать не дадут человеку.

– Так время детское, еще и одиннадцати нету, – Марго примирительно похлопала его по плечу. Но он брезгливо, двумя пальцами, сбросил ее руку и смерил злобным взглядом:

– Попались, так сидите молчком. Лярвы...

– Тьфу на тебя, – отвернулась от него обиженная Марго и

тут же повернулась к Турецкому: – Ну что, дядя Саша, делать будем?

– Девчонки, правда, не до вас, – разочаровал ее Турецкий. – У нас тут намечается производственное совещание с дружкой. Так что отвалите.

– Ну и контингент попался! Деловые... – изумилась Марго и потянула Катюню за руку.

– Давай пересядем от этих... А то от скуки умрем.

Они передвинулись в противоположный угол и о чем-то зашушукались, время от времени сдавленно хихикая.

Турецкий повернулся к Плетневу и тихо спросил:

– Антон, откуда ты их знаешь? Не то чтобы я тебя осуждал, о вкусах не спорят, но похоже, у тебя теперь новые устойчивые предпочтения – портовые девицы.

– Случайное знакомство, – небрежно обронил Плетнев и закрыл глаза.

Турецкий не отставал:

– Нет, правда, что за девицы? Знакомые твоей Гали? А то можно было бы что-нибудь узнать от них... Не сидеть же сложа руки, когда можно воспользоваться ситуацией. Как-нибудь остороженько, намеками и все такое прочее, выведать что-нибудь... – Турецкий оживился и подтолкнул Плетнева в бок, чтобы тот не вздумал задремать в такой интересный момент.

– Я с ними в прошлый раз тут кантовался. Спать не давали. Ржали и ржали, никакого укороту на них. О своих кли-

ентах такое плели, стыдно было слушать. А спать не дали! – сварливо наябедничал Плетнев.

– Да они и сейчас ржут, – бросил неодобрительный взгляд в их сторону Турецкий.

– Жаль, что толку от них никакого. – Спать ему не хотелось, да и вряд ли он уснет. Зловоние, исходящее от тетки с опухшим багровым лицом, забивало все остальные запахи – дешевых духов веселых девиц, которые, наверное, умываются ими перед выходом на работу, тяжелый дух спиртного от молодого разбойника со шрамом через всю щеку, ядреный запах несвежей одежды от мужика, мало похожего на бомжа, но явно не любителя бани. Турецкий тихо проворчал:

– Все могу выдержать, но запах от бомжей – это предел моих возможностей.

– Нам еще повезло, – попытался утешить его Плетнев. – Позавчера со мной здесь сидели два бомжа. Представляешь амбре в квадрате? Но добрые мужики – кормили...

– Да ты что? Ел их жрачку? – Турецкого передернуло от отвращения.

– Голод не тетка, – философски заметил Плетнев. – Да и еда у них была нормальная, в салфетках завернутая. Представляешь – бомжи с салфетками?

– Нет, это, по-моему, ты загибаешь, – не поверил Турецкий.

Плетнев пожал плечами. Дескать – не веришь и не надо. Турецкому не сиделось. Он встал, походил по небольшо-

му пятакчу ограниченного пространства, заложив руки за спину. Девчонки понаблюдали за ним с любопытством, потом переглянулись и прыснули от смеха.

– Эй, красавчик, не слишком ли рано ты привыкаешь к прогулкам в тюремном дворе?

Турецкий усмехнулся, оценив юмор подруг по несчастью, и подсел к ним.

– Ну что, девушки, ночь пройдет впустую? Может, поговорим, все равно спать рано... Расскажите мне, голубушки, за что вас взяли нехорошие дяденьки в милицейских формах. Вот дружок мне шепнул, что и позавчера вам не повезло, и он с вами провел беспокойную ночь в этих некомфортных условиях.

– Мы бы с ним с удовольствием провели беспокойную ночь, но в других условиях, – вульгарно рассмеялась стриженая. – Да пришлось здесь ошиваться. Потому что невзлюбил нас один дяденька – сержант по фамилии Волошин. Мы бы с ним как-нибудь разобрались, если бы он не был слишком наглый.

– И что же он, такой-сякой, хочет от вас? Неужто посягает на вашу невинность?

Девицы аж зашлись от смеха.

– Вы свои пасти сегодня закроете или нет? – встрепнулся парень со шрамом, и его глаза зло сверкнули. – Щас у меня кто-то получит по кумполу, – он угрожающе замахнулся.

– Спи-спи, дорогуша, больше не будем.

Блондинка послала ему ослепительную улыбку, и он злобно плюнул в угол.

Стриженная наклонилась к Турецкому и тихо пожаловалась:

– Этот Волошин требует выкуп. За место. Это его территория, то есть он дежурит в нашем районе. Сначала договорились за одну цену, теперь требует вдвое больше. А нам обидно. Не все же ему отдавать. У нас профессия опасная, рискованная, много чего приходится терпеть. И что – задаром работать?

– А вы что? В свободном полете? Без сутенера работаете?

– Ушли от него. Раньше на барже пахали, а теперь возле Дома моряка.

– А что же с баржи ушли?

– Не понравилось нам. Там хмырь один – страшное дело – такое вытворяет, никакого здоровья не хватит. А два дня назад на этой барже одну девочку зарезали. Вовремя мы ушли оттуда. Вот только никак не можем проблему с Волошиным уладить.

Плетнев открыл глаза и вмешался в разговор.

– А девочка вашей подружкой была?

– Мы все там подружки, – хмыкнула блондинка. – Общались. Особо не корефанили. Она с сестрой жила, им никто больше и не нужен был. А тут эта сестра пропала, а через день и Галю кончили. Нет, мы сейчас ни за какие коврижки на «Ставриду» не вернемся. Может, уломаем Волошина,

чтобы сильно не зарывался. А то как его дежурство – так проблемы.

– А тот лютый – на «Ставриде» – сильно беспредельничал?

– Не то слово. Зверь, а не человек. Ему наш сутенер отстегивал, он же бандит – лютый-то. Наш сутенер сам его боялся.

– Да, не повезло вам, – посочувствовал девицам Турецкий. Те восприняли его сочувствие по-своему.

– А хочешь, красавчик, мы с тобой завтра с утра на нашу хату поедем? Будешь доволен. Можем вдвоем тебя развлечь, а если хочешь – и дружбана твоего прихватим. Только мне кажется, он у тебя не по нашей части. Смурной какой-то, прямо как неродной, – хихикнула блондинка.

– А я, выходит, по вашей? – пошутил Турецкий.

– Я девушка тертая, жизнью битая, в мужиках разбираюсь. У тебя глаз горит. А этот какой-то потухший. Может, у него несчастная любовь приключилась?

– Его любимая бросила, – шепнул Турецкий на ухо Катюне.

– Что это вы там про меня шепчетесь? – подозрительно спросил Плетнев.

– Ничего, дорогуша, это не о тебе. Я твоему корефану свидание назначаю, – Катюня хитро подмигнула Плетневу. Он только покачал головой. Добро бы, если бы девчонки действительно что-то дельное сообщили, но пока один треп.

– А этот лютый, который бандит, он по части крышевания

только вашего сутенера обирал? – Турецкий, похоже, от скуки увлекся разговором с девчонкой.

– Ой, не будем о страшном, – Катюня передернула плечами, будто ее охватил озноб. – И так рады до смерти, что ушли подобру-поздорову. А что это он тебя так интересуется?

– Если мы об одном человеке говорим, то у меня с ним свои счеты, – коротко ответил Турецкий.

Плетнев оживился. Он понял, что Турецкий выбрал правильную линию. Сначала заговаривал девочкам зубы, а теперь уже конкретные вопросы задает.

– Извини, красотка, что компанию не сразу поддержал. Но интересы моего друга – мои интересы. Слушай внимательно: такой крепыш с плоской мордой и приплюснутым носом, глаза серые, колючие, как буравчики, на лбу морщины глубокие, будто думу думает, а на самом деле вряд ли отличается особым умом – это тот тип, из-за которого вы со «Ставриды» смылись?

– Точно он. И у меня к нему тоже счет имеется... – стриженная с интересом посмотрела на Турецкого, перевела взгляд на Плетнева.

– Ты мужик крепкий, и друг твой тоже не слабак. Что ж вы вдвоем с ним не справитесь? Я-то девушка слабая, и защитить меня некому...

Турецкий наклонился к ней и тихо проговорил:

– Если знаешь, где его найти, мы бы с другом рассчитались с ним по всем счетам. Ну как тебе такой расклад? Подходит?

Девушки переглянулись, потом бросили быстрый взгляд на остальных обитателей «обезьянника». Все спали, будто это был их дом родной. Парень со шрамом свернулся калачиком и временами всхрапывал, словно наверстывал упущенное. Бомжиха причмокивала во сне разбитыми губами и иногда сучила ногами, словно отбивалась от кого-то. Немытый мужик спал сидя, уронив голову на грудь и сложив руки на животе.

– Есть у нас один зал игровых автоматов, он там бывает.

– Как зал называется и где он находится? – по-деловому приступил к сбору информации Турецкий.

– В центре, рядом с рестораном «Родео». Называется «Миллион».

– В общем, девушки, считайте, что вы уже отомщены. Мы этого типа найдем и наваляем так, что ему мало не покажется.

Катюня сузила глаза и отдельно произнесла:

– Навалять – мало. Его надо за-мо-чить. Он уже успел пожить в свое удовольствие и попортить жизнь многим девочкам. И уже не остановится никогда, если его не сделать.

– Понял. Вы нас нанимаете. – Турецкий спокойно смотрел на девчонок, будто работа киллера была его основным занятием.

– Считай, что нанимаем. Только вот расплатиться нечем... Разве что задаром вас ублажим, когда желание возникнет. – Марго серьезно смотрела на Турецкого, и тот по-

нял: сильно Боксер попортил им жизнь, если они желают стереть его с лица земли.

– Договорились! – Турецкий повернул голову к Плетневу.

– Ну что, вздремнем пока? А то завтра с утра надо, чтобы голова работала.

– Да и мы поспим, нам с утра надо свеженькими выглядеть. Придется с утречка наверстывать, раз ночная смена пролетела, как трусики без резинки... – хихикнула Марго. – Кушать-то каждый день хочется.

Девчонки прижались друг к другу и закрыли глаза.

– Да, поговорка «Солдат спит – служба идет» явно не про вас, – ухмыльнулся Плетнев.

– Да и не про вас... – отшутилась Марго.

Утром дежурный разбудил всех, зазвенев ключами и открывая замок.

– Ну, что тут за сонное царство? Смотри, как устроились! И никого совесть не мучает. Дрыхнут, как будто им тут отель. Давай, ты первый, – обратился он к Плетневу. – Наш лейтенант очень обрадовался, когда узнал, что старый знакомый появился...

Все зашевелились, заговорили разом, но дежурный прикрикнул.

– Тихо! Расшумелись... До каждого очередь дойдет. А ты выметайся отсюда – все провоняла...

Бомжиха, собирая свои многочисленные грязные пакеты, заворчала:

– Так не фига было приводить. Я что – напрашивалась?

– А кто вчера мужику морду расквасил? Ладно бы своему, а то цивилизованному, при портфеле...

– Значит – за дело! – буркнула бомжиха и наконец, прихватив свое имущество, вышла.

– Начальник, а я? – заканючил немытый.

– А ты посиди, вспоминай, где твои документы.

Мужик помрачнел и недовольно забормотал себе под нос:

– Были бы документы, я бы вкалывал на стройке... За ворами своими смотреть надо... Заарестовать нормального человека каждый дурак может, если у него местные бумажник и вещи скрали...

– Местные по вокзалам не шляются. Они дома сидят. Пить не надо с кем попало! – отчитал дежурный обиженного гостя города Новороссийска.

Лейтенант Виктор Георгиевич Васнецов знал, что его в отделении милиции недолюбливали. Как-то за праздничным столом, когда все собрались отметить День милиции, Савельев спьяну выразил общее мнение. Дескать, заносится лейтенант, компанию избегает – не желает участвовать в дружеских застольях по случаю прибавления семейства своих коллег, дней рождения и прочих радостей, коими и так не слишком богата их опасная работа. Васнецов не запомнил дословно, но обиду затаил. Да, он заносчив, слишком гордый, с большим самомнением, но так имел право думать о себе только он сам. И за компанию не любил выпить только потому, что знал: алкоголь делает человека слабым. Спьяну мало ли что можно ляпнуть лишнее, а потом твоя открытость может против тебя таким обернуться! Его не пугали неприятности в работе, он умело им противостоял, потому что продумывал каждый свой шаг и ошибок не допускал. Он опасался тех неприятностей, которые могли подпортить его репутацию. А главной ценностью для Васнецова была его репутация человека неподкупного, ответственного и здравомыслящего.

И праздного трепача он не выносил, потому что мужчины не должны болтать о всякой ерунде. А разговоры о женщинах вызывали в нем и раздражение, и даже презрение к болту-

нам. Мужчина должен заниматься делом и не разбазаривать драгоценное время. Вот он – не для того же закончил юрфак с отличием, чтобы прозябать в районном отделении милиции до конца своей жизни. У Васнецова были далеко идущие планы. А для этого нужно было отличиться, раскрыть какое-нибудь запутанное дело, чтобы его заметили, выделили среди других. Карьеру нужно делать смолоду. У Васнецова была только одна слабость – но о ней никто не знал, даже с мамой он не делился, хотя она всегда была у него на первом месте. Васнецов уже два года был тайно влюблен в жену своего сотрудника Володи Краюшкина – Лену. Как увидел впервые на новоселье у другого коллеги – Бориса Медведева, так сразу и понял – это его женщина.

Васнецов девушками интересовался мало. В школе, как прилично воспитанный сын учительницы, никогда не подводил ее, учился хорошо. Да и никто из девочек в школе ему не нравился. Как-то мама решила отметить его день рождения, пятидесятилетие, и разрешила пригласить весь класс. Точнее сказать, не разрешила, а навязала ему свое решение созвать разношерстную компанию одноклассников. Наготовила еды, напекла пирожков, что в доме было большой редкостью – мама вечно сидела над школьными тетрадями и на подобные изыски у нее просто не хватало времени. Пришел действительно весь класс. Сначала было шумно и весело, Виктор даже успел втянуться в общее веселье, и оно его уже не раздражало, потом девочки устроили игру «По-

ле чудес». И начался такой гам, что у Виктора разболелась голова и он незаметно вышел на балкон. Решил не участвовать в этом безобразии, потому что терпеть не мог шума. За ним вышла Юля – хорошенькая и рано оформившаяся девочка, за которой ухлестывали десятиклассники. Она стояла рядом, и неожиданно он почувствовал, как от нее исходит нечто волнующее, необъяснимое, что он до сих пор еще не испытывал.

– От тебя исходят какие-то необыкновенные флюиды... – облек в слова свои чувства начитанный Виктор.

– Чего? – переспросила Юля.

Он даже не успел объяснить, что имеет в виду. Но она, взглянув на его лицо, заявление именинника поняла по-своему и сначала провела теплой рукой по его щеке, потом по губам, а затем осмелела и обняла Виктора, прижимаясь всем телом. Сквозь тонкую белую сорочку он почувствовал ее упругую грудь, а Юля тем временем выставила колено и попыталась протиснуть между его ногами. Виктор окаменел. Потому что еще секунду назад он испытывал что-то возвышенное, щемящее, а она так грубо разрушила его романтические иллюзии своими вульгарными намеками.

– Дура ты, Кручинина, – резко вырвался он из ее объятий и зашел в комнату. Его душили гнев и возмущение. Как она могла так плохо подумать о нем? Он же не самец, как эти здоровые лбы из десятого класса, которые, может, ни одной книги в своей жизни не прочитали. У них только одно в го-

лове – полапать девчонок, которые глупо хихикали и, похоже, были не против таких примитивных забав. Юля ему казалась другой. Хотя бы потому, что не смеялась, как дурочка, когда парни заигрывали с ней, а проходила мимо гордо и независимо. А оказывается, она еще хуже. Вся ее гордость и неприступность – сплошное позерство.

В комнате стоял невыносимый галдеж, и он уже не чаял, когда же все это прекратится и все отправятся по домам. Настроение было безнадежно испорчено. А когда заметил, что Юля что-то рассказывает девчонкам и те, поглядывая на него, смеются, захотелось вытолкать гостей из дома. Он уже жалел, что поддался на мамины уговоры и согласился на это сборище. Мама так часто обвиняла его в том, что он сторонится коллектива, демонстративно ставит себя выше других, что Виктор ей уступил. По существу свой день рождения он решил отметить в угоду ей, чтобы она не волновалась и не переживала, что он такой замкнутый и одинокий среди своих одноклассников. На самом деле он чувствовал себя вполне комфортно, держась на некоторой дистанции от ребят, которые любили дурачиться, и их шалости казались ему глупыми и детскими. И теперь, поняв, что стал объектом насмешек глупых девчонок, ощутил, как внутри накапливается уже не раздражение, а настоящая злоба. «И трещат, и трещат...» – думал он про девчонок и был несказанно рад, когда все разом засобирались и повалили к выходу. Больше таких шумных компаний он домой не приглашал, объяснив

маме, что у него обостряется головная боль. Но стал ходить на карате и даже вошел во вкус, тренер его хвалил. Да и ребята стали относиться к нему с большим уважением.

На выпускном вечере они с одноклассниками в школьном дворе напились и потащились в порт смотреть на корабли. Виктор почувствовал себя необыкновенно свободным. Наконец-то школа позади, теперь не надо будет постоянно помнить о том, что в этой же школе работает его мама. И нужно вести себя достойно, не то учителя донесут маме о любой его проделке, и она огорчится, или того хуже – устроит взбучку. У него было одно неприятное воспоминание, которое хранилось в памяти все школьные годы. Еще в пятом классе на перемене, когда все вокруг носились и орали, он стоял у поручней лестницы и неожиданно для себя плюнул с четвертого этажа в пролет и попал учительнице физики на ее блузочку. Она как раз поднималась с третьего этажа. Счастье, что никто не увидел. Но как же он боялся, что кто-то заметил его выходку и донесет маме! А теперь он свободен, свободен! Голова кружилась от выпитого шампанского, одноклассники смеялись, все говорили одновременно, и в эту ночь он единственный раз в жизни почувствовал, что любит всех.

Недалеко от них стояла голубятня, и Виктор поднял голову, потому что услышал голубиное курлыканье. Ребята так расшумелись, что разбудили голубей.

– Давайте и их выпустим на свободу! – вдруг пришла ему

в голову шальная мысль.

– А кто полезет? – спросил Юрка, который набрался больше других, но тем не менее еще что-то соображал и понимал, что в таком состоянии лучше не рисковать. Голубятня стояла на высоких столбиках, и снизу лестница казалась довольно опасной.

– А я и полезу! – раздухарился Виктор.

Ребята пытались его остановить, девчонки даже хватали за руки. Но Виктор решил хоть раз в жизни совершить безрассудный поступок. Просто испытать себя. И хотя в модных остроносых туфлях это было не так просто, он все-таки долез по узеньким перекладинам до голубятни и перочинным ножиком сломал в дверце замок. Потом забрался внутрь, распахнул окошко и захлопал в ладоши. Голуби заметались в темноте, от птичьего гама он одурел, но на кораблях горели прожекторы, и птицы вылетели, ориентируясь на эти огни. Виктор спустился весь в пуху и перьях, на рубашке осталось несколько неприятных пятен, но его встретили, как героя. Вот смеху было! А голуби носились ошалелой стаей и кружили, кружили над выпускниками, и Виктору казалось, что это очень хороший знак.

Самое интересное, что хоть все одноклассники и одобрили его выходку, на следующий день мама об этом знала. И не только мама. Были неприятности, хозяин голубятни хотел заявить на Виктора в милицию. Но маме как-то удалось уладить это дело. Попросту – заплатить за причиненный ущерб.

Тогда она ему и прочитала целую лекцию о таком важном понятии, как репутация. Сказала, что десять лет он работал на свою репутацию. И один-единственный этот его глупый поступок перечеркнул все его труды. Теперь в школе учителя будут вспоминать, как на выпускном вечере отличник учебы Васнецов Виктор напился и в пьяном виде взломал голубятню. Из материнских слов Виктор вынес, что хорошая репутация действительно очень важна для успешного человека.

В институте Виктор погрузился в учебу, занимался с удовольствием и о девушках не думал. Иногда отмечал про себя, что вот Валя симпатичная, с ней приятно было бы пойти в кино. Но пока он раздумывал, Валя уже начинала встречаться с его однокурсником. Так было и с Таней, и с Ларисой, но он почти не огорчился. Впереди вся жизнь, и он знал – когда встретит ее, единственную, сразу поймет: вот она.

Так и произошло. Когда младший лейтенант Борис Шибалтин отмечал новоселье и все женатые приехали в гости с женами, Володя Краюшкин пришел с Леной. Они запоздали, и их встретили уже хорошо поддатые и поэтому возбужденные гости. С воплем: «Ну, наконец-то!» Борис кинулся снимать шубку с Лены. Она весело со всеми поздоровалась, и Виктор неожиданно для себя почувствовал стеснение в груди. Девушка как девушка – молоденькая, стройная, личико с мелкими чертами и ясными карими глазами. Разрумянившаяся с мороза, она показалась ему необыкновенно красивой. Более того, в ней было что-то необъяснимо милое, ка-

кой-то шарм, которым обладают далеко не все красавицы и что подвигает мужчин идти за такими следом, как будто их заколдовали. «Боже мой, как хороша!» – мелькнула мысль. В это время Лена заметила Виктора, который стоял в стороне от всех с книгой в руках. Ему надоел треп ни о чем, и он решил ознакомиться с небогатой библиотекой Бориса.

– Познакомь меня с новым сотрудником, – попросила она Бориса и улыбнулась приветливо Виктору.

– Да он у нас уже полгода, просто еще не было случая представить его тебе. Это наш самый серьезный и трудолюбивый молодой следователь, Виктор Васнецов, – представил его Борис. – И к тому же большой любитель книг. Видишь, даже у меня нашел, хотя моя библиотека самая скромная, – пошутил Борис. Действительно, у него на полке стояло едва ли с десяток книг.

– Надеюсь, он сюда не читать пришел, – засмеялась Лена и протянула руку. Виктор осторожно пожал ее прохладные пальцы и почувствовал себя счастливым. «Это она!» – подумал он и вдруг неожиданно для себя предложил:

– Хотите я вам стихи прочитаю? Про вас.

– А разве в этой библиотеке есть стихи? – пренебрежительно кивнула она на полку с книгами и улыбнулась.

– Здесь нет, я уже просмотрел, – серьезно ответил он. – Но есть здесь! – коснулся он пальцем своего лба.

– Вы пишете стихи? – удивилась Лена и с любопытством посмотрела на Васнецова.

– Я не пишу. Но у Блока есть строчки, которые удивительно подходят к моменту вашего появления... скорее явления... – он смешался и почувствовал смущение.

– Вы романтик. Удивительно для человека такой профессии. Ну, читайте же скорее свои стихи, пока нас не отвлекли... – приказала она строгим тоном, но глаза ее смеялись.

Виктор опустил глаза, потому что ему было почему-то неловко, и негромко начал читать. В комнате стоял шум, и Лене пришлось подойти поближе. Аромат ее духов волновал, и голос Виктора слегка дрожал.

Она пришла с мороза,
Раскрасневшаяся,
Наполнив комнату
Ароматом воздуха и духов,
Звонким голосом
И совсем неуважительной к занятиям
Болтовней.

– О чем это наш лейтенант так увлеченно говорит с моей женой? – вмешался Краюшкин и все испортил. Потому что при нем Васнецову казалось уже немыслимым читать стихи.

– Виктор мне читал стихи Блока, – выдала его Лена. Но Володя Краюшкин не успел отреагировать, потому что всех опять позвали к столу.

Вечеринка получилась веселой, оживленной, с музыкой и танцами, и Виктор несколько раз пригласил Лену. Положив

руку ей на талию, он мучительно искал тему для разговора, но, как назло, ничего не приходило на ум. Оказалось, он выдохся, прочитав строфу из Блока. Лена взяла инициативу в свои руки и стала рассказывать о собственной работе. О том, как в турбюро, где она работает оператором, недавно для сотрудников была организована поездка в Вену и как здорово они там провели время. Язык у нее был живой, энергичный, Виктор обрадовался, что она ко всему еще и не глупа.

– А какое у вас образование? – спросил он.

– Филологическое. Одесский университет закончила. Но учительницей работать не захотела. Мне вполне хватило педпрактики. Кажется, я детей возненавидела до конца своей жизни. Надеюсь, когда появятся собственные, я изменю свое мнение, – рассмеялась она.

Ее муж тем временем не на шутку увлекся спиртным, и когда настало время расходиться, он уже лыка не вязал. Лена огорчилась и, застегивая молнию на его курточке и нахлобучивая шапку, вполголоса отчитала:

– И когда ты только успел? Как же мы теперь домой доберемся? Мне не дотащить тебя даже до автобуса.

– Я вам помогу, – вызвался Виктор, заранее пугаясь, что она откажется. Лена поблагодарила и согласилась. На улице взяли такси, с трудом впахнули Володю в салон. У дома так же не без усилий выволокли и попытались поставить на ноги, потому что в машине он благополучно успел уснуть и просыпаться никак не желал. Наоборот, теперь норовил

сесть в снег, ноги у него подгибались, а глаза никак не хотели раскрываться. Так и потащили его, подпирая с двух сторон. Виктор уже готов был взвалить его на спину, но не рассчитал силы, и они оба едва не повалились на тротуар. Володя был здоровым мужиком, Виктор на его фоне выглядел довольно субтильным, хотя ростом и выше.

Лена развеселилась, а Виктору было не до смеха. И когда наконец поднялись в лифте и буквально свалили Володю на пол, как куль, Лена уже не боролась с собой и хохотала во весь голос. Виктор смущенно потоптался, не хотелось уходить, но Лена, отсмеявшись, опять поблагодарила его, и он понял, что пора.

– Извините, что я так развеселилась. Очень смешно было, как вы его волокли, будто мешок с картошкой. Что-то Володька сегодня напился, как никогда. Вот я ему завтра задам! А вы заходите к нам как-нибудь, – пригласила она Виктора радушно, но он решил – из вежливости. Лена протянула ему руку, и Виктор неожиданно для себя наклонился и поцеловал ее. Она погладила его по волосам и тихо сказала:

- Вы такой милый... И спасибо вам за стихи.
- Вам правда понравилось? – обрадовался Виктор.
- Просто мне никогда не читали стихи... А Блока я тоже люблю.

Он стоял и молчал, не отпуская ее руку. Лена тоже не отнимала. Потом осторожно высвободила руку и мягко сказала:

– Уже поздно, вам пора...

На остановке, дожидаясь автобус, Виктор чувствовал себя счастливым. Он понял, что влюбился. Его совсем не пугало, что Лена замужем, он просто об этом не думал. Есть женщина, которую он любит, и никто не вправе запретить ему думать о ней.

Прошло несколько дней, Виктор боролся с собой, потому что ему очень хотелось услышать ее голос. Он никак не мог придумать причину для звонка. Если бы Краюшкин хотя бы заболел после того, как валялся в снегу – вспотевший после сна в теплой машине, тогда можно было бы позвонить Лене и спросить, как он себя чувствует. Но Володя мужик крепкий, на следующий день после вечеринки явился в отделение хоть и с сильно помятой рожей, но абсолютно здоровый. И Виктор ломал себе голову, пока не придумал, что есть причина – общая любовь к стихам Блока. Он дождался, когда Краюшкин в одно из своих дежурств вечером отправился на место происшествия, и позвонил Лене.

– Это Васнецов, Виктор.

– А я вас по голосу узнала, – радостно ответила Лена.

– Ну как вы живете? – спросил он.

– Нормально, то есть хорошо, – ответила она, и оба замолчали.

– А я вспомнил стихи Блока и хотел вам прочитать.

– Прочитайте, пожалуйста, – мягко попросила Лена. – А то мне уже неделю никто не читает стихов.

Васнецов не видел ее лица, поэтому все смущение куда-то девалось, и он прочитал:

Ваш взгляд – его мне подстеречь...

Но уклоняете вы взгляды...

Да! Взглядом вы боитесь сжечь

Меж нами вставшие преграды!

Он умолк. Лена помолчала, потом заговорила:

– Даже не знаю, что вам сказать. Слова очень точные. Лучшее и не скажешь. Я имею в виду – «вставшие преграды»...

Они оба понимали, о чем она говорит. Но Васнецов решил, что ни за что не сдастся.

С тех пор они иногда виделись, но каждый раз рядом с Леной был муж. Виктору казалось, что Лена смотрит на него как-то по-особенному, словно ждет чего-то, какого-то решительного шага с его стороны. Но Васнецов хоть и славился своими строгостью и требовательностью – одним словом, сильным характером, не решался даже намекнуть Лене о том, что он на самом деле испытывает, какие чувства обуравляют его. Он просто любил ее и был счастлив, что она есть на свете. Он даже не ревновал ее к мужу, поскольку как-то не связывал их воедино, хотя появлялись они на его горизонте всегда вместе.

Виктор просто ждал. Он почему-то был уверен, что рано или поздно все решится само собой, и Лена каким-то образом станет его. Они были еще молоды, а ведь впереди вся

жизнь. Ему только двадцать девять, он на хорошем счету у начальства, и когда получит очередную звездочку, тогда уже можно будет предпринимать какие-то шаги в личной жизни. Хотелось предложить любимой женщине не только руку и сердце, но и что-то более конкретное, в виде звездочки на погонах и оклада повыше. Это были даже не мечты, а расчет. Его повысят в звании – и как награду он получит женщину, которую любит. Почему-то Виктор был уверен, что Лена ждет его так же, как он ее. Потому что всегда, всегда ловил в ее взгляде немой вопрос. А Володя не помеха. Он уйдет сам, как только узнает, что его жена полюбила другого. Поэтому к Володе он относился как к близкому человеку, которого берегут и не огорчают преждевременно.

Работа следователя Васнецову нравилась. Он любил поломать голову над решением задач еще со школьной скамьи, а здесь приходилось напрягать мозги покруче. Он гордился собой и мысленно всегда одобрял себя, когда приходило правильное решение.

Два дня назад, когда в кабинет ввели москвича Плетнева, подозреваемого в убийстве и к тому же оказавшегося бывшим спецназовцем, Васнецов испытал чувство, которое испытывает охотник, обнаружив дичь. Проводя допрос, он прошупывал Плетнева и все ожидал, когда тот допустит ошибку. Но москвич отвечал логично и подловить его никак не удавалось, хотя и выглядел он неважнецки – уставший, невыспавшийся. Еще бы, провести ночь в «обезьянни-

ке» среди отбросов общества – испытание не из легких. Но Васнецов не терял надежды и был очень разочарован, когда начальство велело отпустить Плетнева. Нашлись заступники, и Васнецов не сомневался – по звонку из Москвы. Сегодня, едва он пришел на работу, ему доложили, что задержаны два типа, оказавшие вооруженное сопротивление наряду милиции. Самое интересное, что один из них оказался тем самым Плетневым. Фамилия второго вызвала у Васнецова сильное удивление. Имя Турецкого совсем недавно прозвучало в городе в связи с расследованием дела об энергетическом кризисе. Васнецов тогда еще подумал, что вот к чему нужно стремиться. Чтобы его имя произносили в Новороссийске так же уважительно, как имя московского важняка. Но прошло совсем короткое время, и вот уже Турецкий всплывает в связи с совсем другими обстоятельствами, да еще вместе с Плетневым, человеком подозрительным и лично Васнецову антипатичным. Чего уж душой кривить, себе можно признаться, что выиграло в следователе уязвленное самолюбие. Не дали ему самому провести следственные действия в отношении задержанного Плетнева, а Васнецов нюхом чувствовал – дело нечисто. Плетнев каким-то образом связан с убийством проститутки Гавриленко. Конечно, не он убивал. Но что-то его связывало с ней.

Что же происходит прямо под носом Васнецова, а он не имеет об этом ни малейшего представления? Почему Турецкий оказался замешанным в странной истории с оказанием

вооруженного сопротивления? Как человек закона, он и должен был этой букве закона подчиниться, не противостоять правоохранительным органам. А тут не просто оказание сопротивления, а со стрельбой. Что такого они оба делали на заброшенной стройке, что им пришлось применить оружие при задержании? И главное – откуда у них оружие?

Васнецов продумал план допроса и решил начать с Плетнева. Человек в течение трех дней второй раз попадает в отделение милиции, с него первого логично и начать.

Плетнев зашел уверенно, без нервозности, хотя в прошлый раз он едва держал себя в руках, Васнецов тогда с удовлетворением подметил это. И если бы не звонок начальства, он бы успел хорошенько попортить нервы Плетневу. Но увы – не удалось. Так, прочь обиды, еще можно и отыгаться.

Васнецов молча указал на стул напротив себя, и Плетнев вольготно расселся, положив ногу на ногу. Чувствует себя уверенно, подметил следователь.

– Гражданин Плетнев, как вы и гражданин Турецкий оказались на стройке? – приступил к допросу Васнецов.

– Скрывались от преследователей, – четко отрапортовал Плетнев.

– А кто открыл стрельбу на стройке?

– Двое мужчин. Те, которые напали на меня в гостинице «Ставрида».

– И почему они стреляли? Что им от вас нужно?

– Не знаю. Они преследовали меня... То есть нас.

– Но милиционеры, задержавшие вас, утверждают, что вы оказали вооруженное сопротивление.

– У нас не было оружия. Ошибочка произошла. Ваши не разобрались. Это бродяга, бомж, афганский ветеран, оружие его. Он не в себе был. Подумал, что на него нападают, ну и...

– Да, после войны многие ведут себя неадекватно, – многозначительно подтвердил слова допрашиваемого следователь.

– Никто не застрахован, – пожал плечами Плетнев. Он был настроен держать себя в руках и на всякие мелкие уколы и намеки старлея не реагировать. Да, Антон тоже воевал, да, лечился после этого... долго... Горячий, так он всегда таким был, на военное прошлое сваливать свою вспыльчивость не собирается. Ну если честно, то немножко стал вспыльчивее... А этот безусый в своих профессорских очечках хрен что понимает в жизни ветеранов хоть чеченской, хоть афганской войн...

– Ясно... Но вот какая закавыка, гражданин Плетнев, – довольно ехидно продолжил Васнецов. – Тех двоих мужчин, которых вы уже второй раз пытаетесь мне описать, никто, кроме вас, не видел. Ни в «Ставриде», ни на стройке. Вам не кажется это странным?

– Ничуть... Если бы при совершении преступлений всегда были свидетели, это сильно облегчило бы следствие. И с преступностью было бы бороться куда как легче. Может, она бы тогда в разы снизилась. Но увы – сами знаете, как часто

отсутствие свидетелей осложняет следствие.

Васнецов поправил очки и внимательно посмотрел на Плетнева.

– Не могу с вами не согласиться, – наконец после продолжительной паузы признался он, а сам подумал: ишь как разговаривался. Да с ним не поспоришь, все правильно говорит, прямо как лекцию читает...

Плетнев сочувственно вздохнул и развел руками. Дескать, и рад бы помочь следователю, да не могу. Чем богаты, тем и рады...

Но у Васнецова был заготовлен козырь, и он очень надеялся, что если Плетнев выкрутится и из этой ситуации, то во всяком случае кровь он ему попортит.

В вагоне пассажиры спешно собирали вещи, и Крюкин прилип к окну. Поезд замедлял ход, и некоторые встречающие бежали по перрону вдоль вагонов, заглядывая в окна. На лицах улыбки, словно великое счастье их ожидает в этих вагонах. Уже слышались приветственные крики, пассажиры махали встречающим из окон. Крюкина никто не встречал, и он с рюкзачком вышел одним из первых.

В Новороссийске он не бывал много лет и пришлось спросить на привокзальной площади, как добраться до улицы Ленина. Таксисты наперебой предлагали свои услуги, но заламывали такие цены, что он сразу отсекал их.

– Да я за такие бабки могу назад в Пермь вернуться! – злобно выкрикнул он в лицо молодому амбалу, который небрежным движением крутил в руке ключ от машины.

– Ну и возвращайся, своих таких полно... – спокойно ответил тот, бросив быстрый взгляд на наколки на руке Крюкина.

Но нашлась нормальная тетка, которая сказала, что нужный ему автобус на той стороне площади, а к улице Ленина ехать минут двадцать. Но нужно выйти немного раньше, потому что по самой улице автобус не идет. Только до перекрестка.

Всю дорогу он стоял – автобус брали штурмом, и мест,

конечно, на всех не хватило. Крюкин с любопытством смотрел в окно и думал, примет его тетка Варя или даже калитку не откроет. Своим угрюмым нравом она очень отличалась от всех родственников, которых когда-то было много, но порою почему-то оказалась не из живучих, и вся родня вымерла за последние лет десять, словно их поразила чума. Даже молодые – двоюродный брат Сенька угодил под трактор, уснув спяну в поле, троюродный брат Петр упал со скалы в Гурзуфе, опять же по пьяни. Сестра Женя в свои сорок умерла от рака груди, оставив двух ребятишек, которых забрали в детдом, потому что ее муж уже несколько лет как срывался от алиментов, и его поиски не дали никаких результатов. Все эти похоронные новости в своих редких письмах Крюкину сообщала его тетка Варя, единственная родственница, которую он считал близкой родней.

Автобус остановился на перекрестке улиц Павлова и Ленина и нужно было пройти почти всю улицу Ленина. Вот эти места Крюкин уже начал вспоминать, потому что когда-то бегал здесь еще мальчишкой. Он шел не спеша, рюкзачок в такт его шагам подпрыгивал за спиной. Надо было бы тетке какой-нибудь подарок купить, задобрить ее, запоздало подумал он, но потом решил, что лучше даст ей сколько-нибудь денег, посмотрит по обстоятельствам. А то ведь неизвестно, как она его примет. Что ж зря тратиться?

За невысоким забором он услышал собачье тявканье и увидел пацана лет пятнадцати. Тот нашел себе забаву, и она

Крюкину совсем не понравилась.

– Слышь, пацан, – обратился Крюкин к подростку, который с тоскующим видом пинал ногой мяч, пытаясь попасть в собачью конуру, как в футбольные ворота. Изнутри раздавался жалобный визг. – Ты зачем пса мучаешь?

– Мой пес, хочу и мучаю, – огрызнулся парень, но на чужой голос все-таки оглянулся. – Шел бы ты, дядя, своей дорогой.

– Ща пойду, – пообещал Крюкин и, нагнувшись, поднял камень. – Спорим, с одного раза тебе башку проломлю?

– Да ты что, дядя! – тут же юркнул за дерево парень.

– Я те дам дядю! Попробуй еще раз собаку тронь, увижу – мозги вышибу.

Парень бросился в дом, Крюкин постоял с минуту, но тот не выходил. Из будки вылезла собака – жалкая, худющая, вся шерсть в репьях...

– Что ж у тебя хозяин за сука! – в сердцах воскликнул Крюкин. Из дома никто не выходил, значит, взрослых нет. Иначе этот ублюдок пожаловался бы, что какой-то прохожий пообещал проломить ему голову. Недолго думая, Крюкин запустил камень в окно, и стекло разлетелось вдребезги. Но даже после этого урод не появился.

Крюкин с чувством исполненного долга потопал дальше. По обе стороны пыльной улочки стояли частные дома. В одном из них жила его тетка. Улица Ленина, дом 139. Это почти в конце улицы...

Тетка почему-то совсем не обрадовалась племяннику. Она неодобрительно посмотрела на его заросшее щетиной лицо, сальные волосы, которые он между тем, готовясь к встрече, расчесал на косой пробор. Одежда племянника тоже не вызывала доверия – грязноватая, к тому же с неприятным запахом.

– Давно мылся? – спросила она, пропуская его во двор и безгласно увернувшись от родственного поцелуя.

– С неделю назад, тетя Варя, – честно признался племянник. – Но жрать хочу еще больше, чем помыться.

– Нет, сначала помоешься, – твердо ответила тетка и грузно пошла впереди, провожая его к летнему душу.

– А в доме у тебя разве помыться нельзя? – поежился Крюкин. Он, может, всю дорогу мечтал принять горячий душ в нормальной домашней обстановке.

– Избаловался в тюрьме, небось горячую ванну принимал ежедневно, – съязвила тетка.

Злая она на язык и всегда такой была. Родственников не любила, хорошо хоть на порог пустила. Могла вообще калитку не открыть.

Тетка молча указала на кривоногую скамеечку у душа, так же молча пошла в дом. Крюкин стал раздеваться, складывая одежду на скамейку. Носки понюхал и с отвращением забросил в кусты. Зашел в душ – примитивную конструкцию, состоящую из четырех столбов, вокруг которых кто-то криворукый кое-как прибил две выгоревшие на южном солнце кле-

енки. Он ожидал, что на голову ему сейчас польется ледяная вода, и уже заранее съежился, но был приятно удивлен: теплая вода ливанула на его бледное тело, он даже рассмеялся от радости. Все напряжение, которое вынуждало его не расслабляться еще от Перми, когда вышел за ворота тюрьмы, разом отпустило. Он тщательно мылся куском хозяйственного мыла. Вот жлобка тетка, даже нормального туалетного мыла не купит... Когда наплескался вволю, вспомнил, что нечем вытереться. Он выглянул из-за клеенки и увидел на скамейке полотенце. Позаботилась-таки, старая кочерга, подумал он беззлобно. Завернулся в полотенце, отдернул занавеску и остатки воды брызнули на него, как мелкий дождичек. Крюкину это понравилось, и он еще раз потряс занавеской.

– Не балуй! – услышал строгий голос тетки. – Оторвешь еще, а кто прибивать будет?

– Да я бы и прибил, – решил не раздражать лишний раз тетку Крюкин.

Она уже подходила к душу со стопкой одежды в руках и насмешливо смотрела на него. Худой, все тело в татуировке, на груди убогий кустик длинных прямых волос свисал, как намокшая борода, голые белые ноги жилистые, в синих венах. Морда немного посвежела после душа, если его побрить – хоть чуточку станет похож на человека.

– На, переоденься. Это все моего бывшего постояльца, царство ему небесное.

Крюкин был несуетливым. Ну помер и помер хозяин

одежды, не в ней же его хоронили.

И белье, и рубашка с джинсами были размера на два побольше, но какая разница? Лишь бы чистое.

– А где мои шмотки? – спросил он у хозяйки дома.

– Вон, – указала она пальцем в угол двора, где горел костер и дым низко стелился над землей.

– Да ты что, тетя Варя? – изумился ее самоуправству Крюкин. – Я ж ее двенадцать лет дожидался, в казенном ходил!

– Знаешь что, племян, – зло сузила глаза тетка, – я тут хозяйка. Еще не хватало, чтобы ты мне вшей или блох принес в дом, или другую какую заразу. У тебя, часом, туберкулеза нет?

– Тьфу-тьфу, Бог миловал, – сплюнул Крюкин через левое плечо.

– Ну ладно, – недоверчиво посмотрела на него тетка, и Крюкин в который раз удивился, какие они разные с его матерью. А ведь одних корней, одна кровь течет в их жилах, единокровные сестры – как говорила его покойная мамаша, которая не в пример тетке была сердечнее и щедрее на улыбку.

– На тебе бритвенный прибор, побрееешься... А то как будто тебе за полтинник. А ведь еще и сорока нет...

– Бритва тоже покойника? – поинтересовался Крюкин.

– Его же.

– А где же дядькино все?

– Вспомнил... Григорий уже как восемь лет умер. Все его

добро раздала людям, в церковь снесла. Мне так матушка в церкви посоветовала, когда я Сорокоуст заказывала. Чтобы моему Григорию на том свете легче было, когда мытарства станет проходить.

Надо же, тетка еще и набожная, оказывается, удивился Крюкин. А ведь нипочем не скажешь. Вся такая жесткая, взгляд колючий, как у контролера в тюрьме.

– Ну и помогло, как ты думаешь? – спросил Крюкин ради любопытства. Все-таки интересно, приходят ли с того света какие-нибудь новости.

– А то как же! Как прошло сорок дней, он, Григорий мой, приснился мне – такой весь нарядный, в красивом костюме выходном. Мы его в нем хоронили. Рубашка белая, прямо светится. И сам светится...

– Сказал что-нибудь?

– Нет, молчал. Постоял в столпе сияния – такой весь улыбается, добрый, я его таким и не помню... И уплыл. Вверх...

– Раз в сиянии – это добрый знак, – задумчиво сказал Крюкин.

– Добрый, правду говоришь... – Тетка пригорюнилась, задумчиво глядя на племянника. Надо же, из тюрьмы пришел, а какое-то понятие в нем сохранилось.

Крюкин пристроился у зеркала в коридорчике и быстро собрал трехдневную щетину.

– А теперь уже покормлю, – смилостивилась тетка, удовлетворенно оглядев племянника. Роба, конечно, бандит-

ская, ее выражение никаким хозяйственным мылом не отмоешь, кирпичом не ототрешь. Но хоть насекомых в дом теперь не занесет. Волосы после тщательной помывки поднялись пушистым венчиком, и она не удержалась, все-таки провела по голове сироты убогого ладонью. Но тут же строго сказала.

– Садись, пока не передумала.

– Люблю повеселиться, особенно пожрать! – ощерился в улыбке племянник, и тетка заметила, что с зубами у него совсем плохо. Передние еще ничего, хотя и цвета землистого, а те, что боковые, – одни пеньки...

Крюкин жадно набросился на еду, не обращая внимания на то, что тетка не сводила с него взгляда. Когда он выхлебал полную тарелку борща, а затем тарелку картошки и целую рыбину, хрустя огурцами и не забывая откусывать нехилые куски хлеба, тетка проворчала:

– Значит, так, племяш, аппетит у тебя хороший. А я не миллионерша, прокормить такую утробу. Слышала, в тюрьме люди тоже работают, деньги зарабатывают. Так что ты мне за обеды деньги давай. Или у тебя другие планы? Может, подашься куда?

Крюкин молча сунул руку в рюкзачок и достал газетный сверточек, перевязанный суровой ниткой. Зашуршал бумагой и извлек стопочку сторублевок.

– Здесь штука. На первую неделю. Если не возражаешь, тетя Варь, я у тебя перекантуюсь какое-то время. Как у нас говорят, день кантовки – месяц жизни, – усмехнулся он од-

ними губами, а глаза смотрели холодно и безразлично. — Осмотрюсь, может, на работу куда возьмут. Нет у меня, кроме тебя, никого на белом свете... А ты все-таки кровь родная, чай не выгонишь.

— Ну, если на порог пустила, то уже не выгоню. Какое-то время... — язвительно сказала она, но глаза у нее жадно заблестели, когда она перехватила из его рук пачку денег. Да у нее пенсия три тыщи со всякими дотациями... А он на такие деньги, сколько давать собирается, не наест, так что чистый приварок ей будет рублей пятьсот каждую неделю. Уж готовить экономно она умеет, нужда заставила. А если пятьсот умножить на четыре недели, так это уже две тысячи в месяц, — быстро сосчитала она в уме.

— Спать будешь в запроходной комнате, у меня там и жилец два года прожил, пока не помер. Поезд его задавил, когда он решил через пути перебежать, время сэкономить... Вишь как бывает — две минуты экономии и конец всей жизни..

— Я пока пойду прогуляюсь, — сказал ей Крюкин, похлопав себя по животу. — Жирок растрясусь.

Не хотелось ему выслушивать подробности горестной истории последних минут жизни бывшего теткиного квартиранта, душа жаждала приключений, новых знакомств. А то он, пока добирался к тетке, полной свободы и не почувствовал. Какая свобода, когда в поездах валом народу, все полки заняты, как нары на зоне, даже ни с кем говорить не хотелось. Какие-то дети ревели, мамыши заполошные с ними

нянчились, пьяные мужики соображали на троих и на десятерых, граждане всей страны словно договорились промеж собой, дружно сорвались с места и решили поменять свое местожительство...

Крюкин пошел по улице к центру, независимо засунув руки в карманы просторных штанов, время от времени подтягивая их и озираясь на женщин, иногда подмигивая им. Хоть бы одна улыбнулась в ответ. Даже страшненькие опускали глаза, когда проходили мимо. Ну ничего, он не особо горевал. Найдутся и такие, кому он по нраву придется.

Улица Ленина совсем не изменилась за те годы, сколько он здесь не бывал. А последний раз он приезжал сюда еще с матерью, когда ему было лет тринадцать. Тут у него и компания сложилась веселая, все пацаны, как на подбор, – без царя в голове и на выдумку горазды. Здесь где-то киоск стоял, который они ночью грабанули и благополучно смылись. Теперь нет его, зато на его месте магазинчик вполне европейского вида – маленький, из красного кирпича, крыша из модного пластика не пластика, а какой-то хрени зеленого цвета. Он новомодных материалов и названий не знает. Столько всего нового появилось в мире за время его отсидки. Это ж сколько наверстывать нужно!

На соседней улице уже народу побольше, пооживленнее, потому что рядом совсем уж центр. А если еще минут тридцать пешочком прогуляться, то и на набережную можно выйти. А там и море. Надо себе плавки купить, днем вода про-

гreetся, можно и искупаться. Он когда-то и в конце октября в Черном море купался, и ничего, хоть народ смотрел и удивлялся. А в середине сентября, можно считать, бархатный сезон.

Девки-то какие пошли красивые, яркие, так бы и съел! Крюкин даже облизнулся. Но эти девки не про него, нечего и рыпаться. Домашние девочки, избалованные. Ему бы что попроще. Вот как раз такая и идет – губы накрашены, будто кровью обпила, румянец на всю щеку, прямо от глаз до подбородка. И глазища плавают в такой густой синеве, что даже страшно за нее, сколько ядовитой краски на себя извела.

– Ну что, красотка, пойдем погуляем? – с места в карьер начал Крюкин незатейливое ухаживание.

– А деньги у тебя есть, красавчик? – деловито поинтересовалась она. Крюкин даже опешил. Он хотел ее осчастливить, а она же еще и денег хочет!

– Деньги есть, но не про твою честь, – сердито ответил он.

– Ну и гуляй, дядя, – бесстрашно ответила девица и двинула дальше, виляя задницей, в которую так и хотелось ногой заехать.

«Ну ты глянь, блин, совсем шлюхи оборзели, ни хрена не боятся. Ведь поняла, что я из зоны... То ли дура, то ли крыша у нее надежная...»

Крюкин решил не париться, жизнь только начинается, он свое еще подгонит.

На набережной гуляли цивилизные люди, морячки, девчонки, прямо будто у них тут городской праздник. Крюкин как-то не очень уютно чувствовал себя в этой яркой толпе, ему казалось – все на него смотрят, потом что и одет плохо – явно с чужого плеча, и с лица не красавец: бледный, как смерть, – а где ему загорать было на зоне? Ноги сами вынесли его на пляж. И тут праздник жизни, а до чего же девки хороши! Все голые, точнее, почти голые, все у них наружу, а он так истосковался по бабскому телу!.. Надо было ту шлюху подцепить, хрен с ней, посулил бы ей денег. А там можно было бы и кинуть. Но ведь не одна она такая, Новороссийск – город портовый. А где порт – там и шлюхи. Это он стопудово знал. В глазах прямо зарябило от голых тел, даже в горле пересохло. Вдоль набережной прямо западные питейные палатки, пей – хоть залейся. И пива-то разных сортов, глаза разбегаются. И очереди небольшие, не то что в старые времена, когда, чтобы потушить пожар в глотке, нужно было еще и настояться в очереди... Он пристроился за двумя мужиками, которые вели неторопливый разговор о каком-то убийстве, и понял, что позапрошлой ночью замочили проститутку, где-то в том конце набережной, – указал рукой один из говоривших. Мужики получили свое пиво и ушли, а Крюкин взял сразу три бутылки и сел за столик. Хорошо-то как... И как быстро забывается все плохое, словно он век вот так гуляет празднично и пьет в свое удовольствие. Повезло, что ему срок скостили, а то еще три года пришлось бы чалиться...

Лучше бы он не вспоминал о своей отсидке. Потому что мысли сразу вернулись к прошлому, а ведь так хорошо начал свой день. Но память никуда не денешь, как ни старайся отвлекаться на все эти сиськи и задницы, которые так и мелькают вокруг. Так и хочется какую-нибудь ущипнуть...

Подумать страшно – отсидел двенадцать лет... Считай, чуть ли не полжизни проворонил. А ведь сколько всего можно было успеть! В Саратове тогда с корешами удачно палатки бомбили, прямо одну за другой. Страху на город навели, хорошо погуляли, пока милицейский патруль их с поличными не поймал. И он тогда почти уже и вырвался, да какой-то елдан в милицейской форме его как засветил промеж глаз своим дубком, так Крюкин с ног и свалился. Ох и разозлился он на мента, хорошо что голова у него крепкая, даже сознание не потерял. А вскочил сразу и кулаком менту по кумполу. От всего сердца. Тот только крикнул, а тут к менту и подмога подоспела. Корешей уже повязали, так что вся команда ментовская на него дружно накинулась, наваляла, нос сломали, и тогда уже смогли взять. Когда нос болит – это еще похуже, чем зубы. Тогда за участие в разбойном нападении и нанесении побоев должностному лицу целых пятнадцать лет дали. Тоже мне побои – один раз ведь только вмазал, но крепко. И на память о ментовских доблестях на носу гуля какая-то образовалась. Перелом-то со смещением получился. А кто ж на зоне носы лечит? Скорее покалечат...

Мать за эти годы поездила-поездила с передачками, за-

студилась однажды в холодах да и померла от воспаления легких. А отец еще раньше помер от цирроза печени. Одна тетка и осталась. Иногда письма писала, но передачи ни разу не привозила, даже посылки не посылала. Письма, конечно, писать легче, все его нравоучениями воспитывала. Дескать, надо жить честно. Ну и прожила честно, всю жизнь в библиотеке районной проработала. А пенсия у нее какая? Вон как глаза жадно сверкнули, когда он ей тыщу дал.

Подышал Крюкин свежим воздухом, зашел в магазин плавки купить, искупнулся и лег спать на песочек. Только голову замотал рубахой жмурика, чтобы не напекло. Днем в середине сентября солнце здесь печет будь здоров.

Проснулся он только к вечеру. То ли отсыпался за всю дорогу, то ли на солнце его сморило, но когда он высунул из-под рубахи лицо и оглядел пляж, народу как не бывало. С набережной шум доносился, люди гуляли, а вот на пляже никого. И продрог он уже. Собрался домой, пора уже и ужинать. Не зря же он тетке такие бабки отвалил. И опять поразили его местные красотки, но что-то не очень они ему радовались. Ни одну не удалось склеить. И что в нем не так? Ведь раньше, до тюрьмы, бабы у него были, не слишком много, но и жаловаться грех. А сейчас – ну ни одна не реагирует, словно он прокаженный. Раздосадованный Крюкин свернул на улицу Багратионовскую и увидел троих алкашей, а с ними бабу. Те уже шатались, но бурно спорили, кому бежать за водкой. Он остановился и весело спросил:

– Какие проблемы, мужики?

– О, мужик, выпьешь с нами? – обрадовался ему, как родному, один из них – чернявый, с широкими скулами и тоненькой ниточкой усов под здоровым шнобелем.

– А есть что хлебнуть? – спросил Крюкин, а сам уже устремил жадный взор на бабу. Так бы он ни за что не остановился с алкашами, поскольку сам был трезв, как стеклышко. Но баба, еще не совсем пьяная, пялилась на него и даже улыбалась поощряюще. Первая за весь этот неудачный в смысле женского внимания день.

– Пока нету, все уже выпили, но может, ты поставишь? А то у нас только на одну наскреблось, – с мольбой в голосе проговорил второй – белобрысый молодой парень с налитыми кровью глазами. Небось уже давно квасит – подумал про него Крюкин.

– Деньги есть – Уфа гуляем, денег нет – Чишмы сидим... – пошутил он.

– Чего? – не поняли мужики.

– Подкол... Лады, ставлю. Ща принесу, – пообещал Крюкин и вернулся на уголок, где только что видел бабок с бутылками в хозяйственных сумках, которые они поставили прямо на асфальт. Там он уже не скупился – купил у какой-то бабки пять бутылок водки, наверняка самопальной, потому что взяла недорого, и вернулся к взволнованной предстоящим пиршеством компании.

– А пить где будем? На улице, что ли? – спросил у ожи-

вившихся алкашей.

– Зачем на улице? У нас хата имеется, – горделиво приосанился чернявый.

Хатой оказался заброшенный сарай в глубине двора, куда они всей гурьбой и направились. Давненько здесь никто не жил. Остатки дома растаскали по бревнышкам, а сарай остался за ненадобностью. Сколоченный кое-как в древние времена, покосившийся и почерневший от старости, он даже вызвал опасения у Крюкина.

– Не завалится?

– Да мы здесь всегда отдыхаем. Он еще сто лет простоит, – пообещал белобрысый. Чернявый и еще один мужичонка, весь какой-то неказистый, корявый, только рассмеялись, любовно поглядывая на водку. Четвертый мужик оказался немым, только мычал что-то да руками размахивал. А бабенка повеселела, волосенки свои пригладила, зажмурилась довольно и скромненько села в уголок. Немой достал из кармана стопочку пластиковых стаканчиков многоразового использования, как заметил Крюкин, и раздал жаждающим товарищам. Крюкин наделил всех и терпеливо дожидаясь, кто отвалится первым. Мужикам много не надо было, поскольку пиршество у них продолжалось, видно, уже давно – их развезло вконец, но они еще трепыхались и даже желали общаться, приставая с дурацкими расспросами. Но Крюкин подсел к бабенке и завел с ней разговор. Спросил, как зовут, ответила – Настя. Спросил на всякий случай, заму-

жем ли. А то вдруг кто-нибудь из этих мужиков ее муж. Чтобы потом не предъявил на нее свои права. Бабенка кокетливо ответила, что муж обьелся груш, из чего Крюкин понял, что никто в ней не нуждается, кроме него, и то потому, что давно уже не имел бабы. Двое тем временем быстро отключились и захрапели, повалившись друг на друга. Двое еще немного покуролесили и тоже наконец уgomонились. И когда Крюкин, в предвкушении великого наслаждения конкретно ухватил бабенку за кое-какие места, она вдруг стала отбиваться. Вот это Крюкину совсем не понравилось. На водку тратился? Тратился. Этих уродов слушал? Слушал. Время потерял? Потерял. Да и бабенка на трезвую голову была совсем бросовая, это только с большого горя да еще накачав себя водкой, он перестал обращать внимание на ее немытую рожу и грязные ноги. А также на прыщавые щеки и крепкий дух несвежей одежды. Пришлось ее немного помять, но баба сопротивлялась, словно ее собирались лишить девственности. Он совсем озверел, не ожидая такого бешеного сопротивления, и, в конце концов, решил ее деморализовать, обхватив сзади шею и не выпуская, пока она не обмякла в его руках. А когда он уже приготовился совершить то, чем были заняты его мысли весь этот день, баба взяла и испустила дух. То есть буквально откинулась под ним. Видимо, он перестарался, дышалку ей совсем переклинил. Крюкин сразу понял, что бабечка загнулась, но не хотел себе верить. Это ж надо какую подлянку ему устроила! На всякий случай он потряс ее

и даже огрел кулаком по кумполу. От такого удара мертвый бы встал, не то что живой. Но эта шмара не желала подавать признаков жизни. От досады отпихнул бабу, и та повалилась, как тряпичная кукла. Но кукла такая увесистая, пришлось еще раз подтолкнуть, чтобы освободить пространство и не наступить на спящих мертвецким сном мужиков. Вся компания дрыхла, как в лафовом отеле. Не оставалось ничего делать, как возвращаться домой.

Тетка уже давно спала, заперевшись на своей половине. Он подергал дверь, но замок был крепкий, да и сон у тетки как после будуна. Так и не проснулась. И поговорить не с кем. Он прошел в выделенную ему комнату, даже не зажигая свет. Ишь, заперлась от родного племянника. Не доверяет. А ему и по фигу. На теткино добро, а тем более на ее никчемную жизнь он не собирался посягать. Прямо в одежде рухнул на кровать, но сон не шел. Злобно вспомнил бабу, которая так и не дала ему осуществить задуманное. Ну и поплатилась... Все его тело налилось свинцовой тяжестью, никак не освободиться. Нет, в таком состоянии он не уснет. Чай, не в тюрьме, здесь шалав полный город, и вряд ли они после двенадцати дружно и чинно отправляются в свои девичьи постельки... Крюкин вскочил с кровати и, уже стараясь не шуметь, вышел во двор. Пускай тетка даже не догадывается, когда он пришел и когда отправился на прогулку. Ночь была звездная, месяц сиял, что начищенный пятак, где-то слышались голоса и звонкий смех, словно не час ночи, а только ве-

черееет. Разве можно пренебрегать первым же днем свободы и не воспользоваться этой самой свободой?

Он быстро зашагал, словно кто-то подгонял его, завернул на соседнюю улицу и услышал мужские голоса за невысоким забором. Присмотрелся – во дворе напротив двухэтажного дома вытянулся ряд низких гаражей. В распахнутой двери одного из гаражей горел неяркий свет и несколько человек толпились у входа, пытаясь одновременно протиснуться внутрь. Негромкий голос одного из мужиков сердито проворчал:

– Тихо, а то сейчас соседи проснутся. А если моя Тамарка – то и милицию может вызвать.

Женский голос захихикал, и Крюкин, уж не раздумывая, зашел во двор.

– Со своим бухляком примете в компанию?

Мужики разом повернули голову и дружно закивали головами.

– Только нас четверо, не ошибись! – проинструктировал один из них.

– Ща принесу! – пообещал Крюкин и поспешил на уголок, где, как помнил, бабки торговали самопалом.

Обернулся он быстро, вся компания уже ждала его в гараже.

– Дверь закрой, – пробормотал хозяин.

Уже успели нализаться, не дожидаясь новой порции, – понял Крюкин. Шалава с любопытством уставилась на него, но

ее интерес к новому собутыльнику почему-то сразу пропал. Она оживилась только тогда, когда один из мужиков, видимо хозяин, стал раздавать стаканы. В этот раз Крюкин был настроен серьезно. Он доливал и доливал мужикам, особенно старался подливать девчонке, удивляясь, что такая красotka делает в этой сомнительной компании алкашей. И хотя компания вела себя вполне безобидно, один чернявый, нерусский по виду, явно оказывал ей знаки внимания и ревниво поглядывал на Крюкина.

– Как тебя зовут? – спросил Крюкин девчонку, когда она в очередной раз подставила свой стакан.

– Лидия... – повернула она к нему свое смуглое с тонкими чертами лицо. Ее выразительные серые глаза уже осоловели, но все равно красота девушки его поразила. А ее пухлые, немного надутые губы вызывали просто-таки дикое желание впиться в них.

– Что ты здесь делаешь?

– А меня со свадьбы выгнали, – заплетаящимся языком пожаловалась она. – Илюшкины дружки меня напоили и велели его за сарай заманить. Ну, сам понимаешь... право первой ночи... – понесла она уже полную чашу. – А Танька увидела, как он меня лапал, она его невеста, орать начала. Парни ржать, бабы меня в шею... Хорошо, что эти подвернулись. Как их... Один Ашот... Один какой-то Ретя... Остальных забыла как зовут... А то я из Сторожанки приехала, автобусы уже не ходят... А эти обещали, что тут заночую.

– Заночуешь, дорогуша, это точно, – многозначительно пообещал Крюкин и обнял девчонку, крепко прижав ее к груди. Та только повела плечом, но особо не сопротивлялась. Два мужика уже отвалились и только изредка издавали какие-то нечленораздельные звуки, но третий, Ашот, не сводил блестящих черных глаз с девчонки, потом неожиданно вскочил и попытался оторвать Крюкина от красотки, вцепившись двумя клешнями в его плечи. Крюкин еще раньше заметил на полу кирпич и ловко стукнул черноглазого по голове. Тот рухнул на пол, а Крюкин обхватил девчонку и повалил ее на кровать.

– Чо ты делаешь? – плаксивым тоном заныла она. – Я Серому скажу! Ашота зачем по башке трахнул? Вдруг убил?

– Потом скажешь. А пока не шуми, – по-доброму попросил ее Крюкин и навалился сверху. Девчонка действительно вела себя тихо по причине полной невменяемости, только сопела ему в ухо. Крюкин дорвался до женской плоти и работал как заведенный. Он не сразу понял, почему у него загудело в голове. А это совсем некстати очнулся пришибленный Ашот и решил поквитаться – тем же кирпичом огрел Крюкина по затылку.

– Вот падла! – возмутился Крюкин, замотав головой. Но голова у него была крепкая, поэтому он только на минуту отвлекся от девушки и дважды огрел противника по голове. Тот опять свалился.

– Может, хватит уже? – застонала девица, когда Крюкин

опять взобрался на нее.

— Мне теперь долго не хватит. Я знаешь сколько лет девок не трахал? — запыхавшись проговорил он. — Да еще таких красавиц...

На этот раз девчонка уже стала приходить в себя и даже вяло сопротивляться и звать зачем-то Ашота, но Крюкин не обращал на ее телодвижения никакого внимания. И когда с полу поднялся очнувшийся черноглазый и девушка тихо простонала: «Ашот, помоги!», а едва державшийся на ногах спаситель замахнулся кирпичом, чтобы отомстить обидчику, Крюкин краем глаза увидел движение сбоку и резко выбросил руку, перехватив кирпич. Он яростно несколько раз ударил живучего Ашота по голове, для этого пришлось вскочить с кровати. Ашот зашатался и рухнул, неловко подогнув под себя ноги. У шмары откуда силы только взялись, она воспользовалась моментом, сползла с кровати и неверными шагами направилась к выходу, одергивая на ходу нарядное, но уже похожее на измятую тряпку платье и одновременно машинально приглаживая сильно взлохмаченные волосы. Крюкин, все еще находясь в состоянии бешенства, бросил скрюченного и не подающего признаков жизни Ашота и перехватил девчонку у самой двери. Швырнул на пол, а затем в иступлении стал молотить кирпичом по голове, пока она не перестала дергаться. Крюкин прислушался — не дышит. Это правильно он придумал, что и ее вальнул — одобрил Крюкин свои действия. Нечего свидетелей оставлять. Ашот тоже, по-

хоже, загнулся. А те двое спят и назавтра вряд ли хоть что-то вспомнят, поскольку отключились, когда ничего не предвещало такого неожиданного даже для Крюкина конца вечеринки.

Надо девку вытащить отсюда, почему-то подумал он. Взял ее на плечо и потащился в соседний двор, где между гаражами нашел узкую щель, куда она как раз и поместилась. Правда, пришлось приложить усилия. Ноги девчонки все время вываливались наружу. Тогда он напрягся и втолкнул ее подальше уже вместе с ногами. Вернулся в гараж и прикрыл голову Ашота какой-то тряпкой.

Голова разболелась не на шутку. Крюкин беспокоился – а ну как сотрясение мозга? Еще днем, прогуливаясь по району, он заметил на одной из улиц одноэтажный дом с вывеской «Скорая помощь». Где-то недалеко, через два-три квартала, – стал припоминать он. Надо сходить к врачу, чтобы хоть посмотрели. Может, швы нужно наложить. Не хватало в первый же день в больничке залечь...

Пожилая тетка в белом халате не сдержала удивления:

– Это где вас так отделали? Опять морячки балуют? Они как на берег сходят, прямо с цепи срываются. Что наши, что заграничные...

– Морячки, – подтвердил Крюкин, а тетка уже суежилась над ним, осматривая голову и колдуя над ней.

– Потерпите, сейчас больно будет, – предупредила она, накладывая швы. Крюкин замычал, действительно было боль-

но. – А вообще-то у вас сотрясение мозга. Давайте я вас до завтра положу в палату. Проследить нужно.

– Нет, домой пойду, – Крюкин с забинтованной головой направился к выходу и в двери оглянулся: – Спасибо вам...

Дома пришлось мыться уже под холодным душем, намотав на забинтованную голову целлофановый пакет. Заодно мозги прояснились, и он вспомнил, что нужно заметить следы. Например, постирать всю одежду. Свежая кровь хорошо отмывается именно хозяйственным мылом. Так что спасибо тетке, что не унесла его из душевой кабинки, то есть хибарки. Так почти до рассвета и провозился. Джинсы расстелил сушить под кроватью, рубаху повесил на стул. Вытянулся на кровати и закрыл глаза. И только тогда, погружаясь в полудрему, вспомнил, что намеченное намастырил, женскую ласку все-таки получил. Болела голова. Мелькали картины беспокойного гульбария – то ли во сне, то ли память не хотела отключаться. Чертов Ашот, надо же какой качман оказался, а ведь едва двигался. Но кирпич держал крепко... Хана ему теперь. И девке хана. Никого ему не жалко.

Тетка с утра к нему не приставала, в дверь не стучалась. И когда он наконец встал к обеду – такой красавец с опухшей со сна рожей, забинтованной головой, ссадинами на лице и на руках, она испуганно охнула:

– Когда уже успел? Если набедокурил, лучше сразу собирайся, мне неприятности не нужны.

– Молодняк ночью наехал, – хмуро бросил Крюкин и сел

за стол. Ел он с аппетитом, а сам о чем-то думал, нахмутив брови и не поднимая от тарелки глаз. Тетка сердито смотрела на племянника и думала, что зря она согласилась приютить его. От него можно ожидать чего угодно... Как бы избавиться от такого беспокойного жильца? Если он уже в первый день успел ввязаться в драку, значит, совсем уже без тормозов. И если она прямо скажет, чтобы убирался, вдруг и на нее, родную тетку, руку поднимет? А то и вовсе прибьет! И как единственный прямой наследник получит задарма ее ухоженный домик... У тетки похолодело в душе. А вдруг он именно с такой дальней целью к ней заявился? Усыпить ее бдительность, а потом или яду подсыпать, или задушить ночью, потом зарыть в огороде... И войти во владения законным наследником... Она таких историй наслушалась, начиналась, насмотрелась по телевизору, а теперь сама, своими руками, дура старая, себе могилу роет, впустив зэка к себе домой.

До конца дня тетка испуганно озиралась, зачуйав шаги племянника за спиной. Но он даже вздумал ей помочь – принялся чинить покосившийся забор. Поковырялся в старой мастерской ее покойного мужа, нашел инструмент и начал строгать доски и стучать молотком. Но запугав саму себя, тетка решила быть всегда начеку и при первой возможности избавиться от племянника.

Если бы кто-то сейчас встретился взглядом с Боксером, то отпрянул бы в испуге, потому что, кроме ненависти, его взгляд не выражал ничего. Ненависть к каждому прохожему, каждому водителю, ненависть ко всему миру. К этому обычному состоянию угрюмого и злобного человека примешалось еще и чувство страха. Хотя трудно себе представить, кого мог бояться человек, для которого не существовало понятия жалости, сострадания, не говоря уже о любви. Вцепившись обеими руками в руль, он швырял машину из ряда в ряд, нагло подрезая соседей и создавая опасные ситуации на дороге. Иногда ему сигналили возмущенные водители, но он отругивался сквозь зубы грубо и мерзко, и его лицо искажала отвратительная гримаса. Притормозив у тротуара между рестораном «Родео» и залом игровых автоматов «Миллион», он не сразу вышел, а еще какое-то время сидел, раздумывая о предстоящей встрече. Наконец, что-то решив для себя, вылез из машины и направился ко входу в зал. В дверях два охранника ответили на его приветствие и проводили понимающим взглядом. Один из них вытащил рацию и сообщил:

– Геннадич, Боксер появился.

А тот уже пересек зал, не глядя по сторонам, и подошел к служебной двери. Остановился всего на секунду и решительно распахнул ее, оказавшись в небольшой комнате, чем-то

напоминающей приемную. За столом сидел еще один охранник – крупный мужчина с бритой бугристой головой лет тридцати пяти, который равнодушно взглянул на вошедшего и на его вопрос: «У себя?» – молча кивнул. «Один?» – уточнил Боксер. И опять не удостоился ответа, а только короткого кивка. «Я войду?» – спросил Боксер и, получив в ответ очередной кивок, потянул на себя дверь.

В полутемном кабинете с зашторенным окном на письменном столе горела настольная лампа, но стул был пуст. Боксер оглянулся. На диване, прикрыв глаза, лежал мужчина лет сорока. Если бы его увидел Турецкий, то наверняка бы узнал в нем человека с фотографии из архива фотографа Наугольных, когда проводил частное расследование по просьбе Анны Гущиной. Денис Белобров собственной персоной возлежал на диване, и его настроение было под стать настроению Боксера. То есть очень паршивое. Со вчерашнего дня его обычная уверенность в себе и своем будущем несколько пошатнулась, потому что именно вчера услужливый охранник Геннадич принес ему городскую газету с очень неприятной для Белоброва публикацией.

Он давным-давно и думать забыл о соревнованиях по пулевой стрельбе, когда десять лет назад его пуля поразила человека из оцепления. Он даже фамилию убитого выбросил из памяти. Белобров имел обыкновение выбрасывать из головы лишнюю информацию, которая не могла ему пригодиться в будущем, чтобы не засорять себе мозги. Но фами-

лию Гущиной помнил все эти годы. Как-никак они не раз выступали на одних соревнованиях. И хотя благодаря сообразительности следователя – его друга Грабовенко, и нехитрой манипуляции с подменной пуль, Белобров оказался вне всяких подозрений, а Гущина вместо него отсидела срок, иногда о ней он вспоминал. И как впоследствии выяснилось, не зря. Гущина оказалась хитрой бестией. То ли в тюрьме приобрела жизненный опыт – барахтаться изо всех сил, то ли раньше у нее были задатки пробивного человека, но, выйдя на свободу, она не потерялась в новом для нее мире. Конечно, после судимости обратный путь в спорт ей был заказан. Но она неожиданно для него нашла свою нишу в то время, когда многие, даже успешные люди, оказались не у дел. Нельзя сказать, чтобы он следил за ее успехами. Но нет-нет да и выплывало ее имя в разговорах коммерсантов новой волны, к которым примкнул Белобров, обнаружив в себе талант предпринимателя. И хотя его деятельность временами носила полулегальный характер, а в последнее время основные дивиденды он получал и вовсе от криминального, так сказать, бизнеса, успешные шаги бывшей чемпионки Европы в освоении нового для нее дела задевали Белоброва. Выходит, все ее потуги, вполне легальные и прозрачные, как сейчас любят говорить политики и писать журналисты, приносят вполне приличные доходы. Гущина активно продвигалась на рынке, который он в свое время не успел охватить, так как считал, что еще не пришло время. А она дей-

ствовала грамотно, подключая таких же грамотных людей, и за несколько лет создала крепкую команду единомышленников, о чем он мог только мечтать. Потому что в его бизнесе ни на кого рассчитывать не приходилось. Никому из его временных и проходящих партнеров он не мог довериться так, как самому себе. А Гущина с партнерами тем временем открыла сеть магазинов, затем организовала корпорацию, и в один прекрасный день Белобров услышал, что ее собираются выдвинуть на пост руководителя. Вот это уже был удар под дых. Мало того что она перехватила идею, которую он только вынашивал, не понимая, что промедление здесь вовсе неуместно, так еще и возглавит корпорацию! Этого Белобров допустить не мог и развил бурную деятельность, чтобы притормозить успешный взлет бывшей соперницы по спорту, а потом и вовсе уничтожить ее. Он запустил слухи о ее судимости, надеясь таким образом очернить ее имя. Параллельно через подставное лицо активно стал скупать акции корпорации. Но кто же знал, что этот идиот Лесной окажется слюнтяем и расколется при первом нажиме на него людей Гущиной. Сволочь, а туда же – предприниматель хренов! То ли они его припугнули, то ли что-то посулили, но этот кретин выдал Белоброва с потрохами. Буквально несколько дней назад они пили в одной компании, Лесной тыркался своей пьяной мордой в лицо Белоброву и разглагольствовал, как они приберут к рукам корпорацию и заведут счета в швейцарском банке. А ведь уже продал его, лгал прямо в глаза!

Вчера статья скандально известного журналиста Крупицы произвела на Белоброва впечатление неожиданно грянувшего грома. Читая ее, он чувствовал, как гнев и ненависть переполняют его, в глазах потемнело, и он испугался, что его хватит удар. Это в сорок-то лет! Прочитал, разразился таким потоком брани, что Геннадич испуганно вбежал в кабинет и предложил валерьянки. Еще один кретин. Одни кретины вокруг, чтоб их разорвало! Он выгнал охранника, велел никого не пускать и сразу позвонил Грабовенко.

– Василий, ты читал статью про меня?

– Читал, – коротко ответил Грабовенко.

– И откуда вдруг всплыла вся эта срань, ты не знаешь?

– Денис, я ничего не мог сделать. Приехал следователь из Москвы, важняк, фамилия Турецкий, если тебе это о чем-то говорит...

Еще бы не говорила! Эта фамилия уже была знакома Белоброву, со вчерашнего дня Турецкий у него в печенках сидит, хотя и совсем по другому делу...

– Не мог я ему отказать! – тем временем продолжал Грабовенко. – Из московской прокуратуры звонок был. Пришлось извлечь из архива дело.

– Да хрен с ним, что он в этом деле рылся. Там не подкопаешься. Почему возник компромат на меня? Откуда ноги растут, ты можешь мне сказать?! – Белоброва колотило от ярости.

– Денис, в статье все четко прописано. И про криминали-

ста Желткова – этот скотина Крупица даже не стал называть фамилию, пощадил его. А Желтков, мразь подзаборная, все выложил про пулю. Молчал-молчал годами, вдруг вспомнил... А важняк к тому же нашел людей, которые утверждают, что видели тебя на стрельбище пьяным. Видели! Что мне им всем – глаза надо было выколоть или язык отрезать? Думаешь, тебя только эти видели? Да если начнешь ворошить это дело, теперь еще с десятков таких свидетелей найдется. Потому что все – путь открыт. Каждый молчал, потому что все молчали. А стоит одному рот открыть...

Белобров не стал себя больше сдерживать и разразился новым потоком брани. Грабовенко молча слушал, и когда Белобров на мгновение умолк, чтобы набрать воздух, заговорил:

– Ты думаешь, меня это никак не коснется? Я дело вел – мне и отвечать. Сейчас такое начнется... – с тоской в голосе произнес он.

– Я вот думаю, – немного успокоился Белобров, – кто затеял эту публикацию? Кому она на руку? Слушай, Денис, а если опровержение написать? Ну, по материалам дела. Мало ли что люди могут сказать? Я имею в виду этих так называемых свидетелей. Может, их журналист подкупил? Ведь пули-то нет? А это главная улика.

– С ума сошел такое обсуждать по телефону? Мой тебе совет – не реагировать. Игнорировать. Потому что если затеять опровержение, такое может открыться... Слушай, а эта

Гущина... Ты с ней как-нибудь связан? Ну, я в том смысле – нет ли у вас общих дел?

– Теперь уже нет, – с досадой ответил Белобров.

Какие, к черту, общие дела с этой бабой? Теперь нечего и думать обскакать ее в их гребаной корпорации... А он-то предвкушал, губы раскатал, как говорит его двенадцатилетняя дочка Лера, нахватавшаяся подобных словечек, невзирая на строгое воспитание.

Весь день он находился под впечатлением статьи, и даже если бы захотел о ней не думать, не получалось. Потому что, конечно, начались телефонные звонки. И очень мало кто сумел искренне посочувствовать. В словах сочувствия звучала одна фальшь. А мысли все вертелись вокруг Гущиной. Вот же стерва, ну и гадина, ну и бестия... Это ее рук дело, несомненно. И как ловко все устроила, кто же ее надоумил прессу подключить? Да еще на самого знаменитого журналиста вышла.

Как говорится, пришла беда – отворяй ворота. Новость о том, что кто-то прикончил Баула, разозлила Белоброва, но не настолько, чтобы тратить на нее свои эмоции. Один момент только вызвал короткий приступ гнева – Боксер должен был еще вчера доложить об этом, но он весь день где-то мотался и только сегодня к нему смогли дозвониться верные люди Белоброва. Скорее всего Боксер отключил телефон, чтобы за ночь собраться с мыслями и найти слова оправдания. Но если у человека две извилины, то это дело безнадёжное. Ни

НОЧИ, НИ ЖИЗНИ НЕ ХВАТИТ...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.